

№8

Август 2021

# РУССКИЙ КЛУБ



Стр. 42

«ЭКЗОТИЧЕСКОЕ ЗДАНИЕ В  
НЕОМАВРИТАНСКОМ СТИЛЕ»

# ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ

БАНК ВТБ — СПОНСОР ПРОЕКТОВ  
В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

## РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,  
пр. Руставели, 2  
тел./факс: (995 32) 293-43-36  
E-mail: rusculture@mail.ru  
[www.rcmagazine.ge](http://www.rcmagazine.ge)  
[www.russianclub.ge](http://www.russianclub.ge)

Главный редактор  
**Александр СВАТИКОВ**

Заместитель главного редактора  
**Владимир ГОЛОВИН**

Редакционная коллегия:

**Алла БЕЖЕНЦЕВА**  
**Инна БЕЗИРГАНОВА**  
**Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ**  
**Вера ЦЕРЕТЕЛИ**

Дизайн и верстка  
**Давид ЭЛБАКИДZE-МАЧАВАРИАНИ**

Корректор  
**Марина МАМАЦАШВИЛИ**

Допечатная подготовка  
**Елена ГАЛАШЕВСКАЯ**

## ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия  
**ЗУРАБ АБАШИДZE**  
**ВАЖА АЗАРАШВИЛИ**  
**НАНИ БРЕГВАДZE**  
**ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ**  
**РОИН МЕТРЕВЕЛИ**  
**ИРМА СОХАДZE**

Армения  
**КАРИНЭ ХАЛАТОВА**

Беларусь  
**ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА**

Великобритания  
**КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-  
РОСТОВСКИЙ**

Израиль  
**ДАВИД МАРКИШ**

Россия  
**ЗАУР КВИЖИНАДZE**  
**АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДZE**  
**ЕЛЕН ДОРИС**

США  
**АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ**

Франция  
**ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ**

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА  
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

*В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ*

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)  
C-24



# РУССКИЙ КЛУБ

**№8** (190)  
Август 2021

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ  
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА  
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

## «**რუსული კლუბი**»

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

## СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я  
**РОБ АВАДЯЕВ**
- 6 «ПАУТИНА ЛЮБВИ» ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО  
**ИННА БЕРИДZE**
- 12 ПРОБЛЕМЫ НУЖНО ЛЕЧИТЬ КУЛЬТУРОЙ  
**ИННА БЕЗИРГАНОВА**
- 18 «ЭФФЕКТ БАБОЧКИ» СО ЗНАКОМ ПЛЮС  
**ЛЕВОН УЗУНЯН**
- 22 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ  
**ВЛАДИМИР ГОЛОВИН**
- 30 IN VINO VERITAS  
**КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ**
- 34 «ЧЕРНАЯ ЖЕМЧУЖИНА» И МИСТЕР БИ  
**НАНА ГОНГАДZE**
- 42 «ЭКЗОТИЧЕСКОЕ ЗДАНИЕ В НЕОМАВРИТАНСКОМ СТИЛЕ»  
**ЛАДО ТАВАДZE**
- 44 ГДЕ ПАРИЖ, ГДЕ МОЙ ДОМ  
**АНАИДА ГАЛУСТЯН**
- 48 КОЛЛЕКЦИОНЕР ХАРАКТЕРОВ  
**НИНА ШАДУРИ**
- 51 КАВАЛЕРГАРД  
**ГУРАМ СВАНИДZE**

На обложке – ФОНТАН В СКВЕРЕ У ОПЕРЫ  
Фото **Александра Сватикова**

# от а до я

Роб АВАДЯЕВ

## ПОЛТОРА ВЕКА С МУЗЫКОЙ ПАЛИАШВИЛИ



Один из лучших учеников прекрасного русского композитора и профессора Московской консерватории Сергея Танеева Захарий Петрович Палиашвили был уроженцем Кутаиси – древнейшего грузинского города, экономического и культурного центра Имерети. Он появился на свет 16 августа 1871 года в семье церковного певчего. Семья была очень музыкальной и из восемнадцати детей шестеро стали профессиональными музыкантами. Захарий с самого детства обучался начаткам игры на самых разных инструментах – от фортепиано и скрипки до органа. Когда же вместе с семьей он переехал в Тбилиси, то поступил в музыкальное училище и начал учиться играть на валторне, а также изучать теорию композиции. Окончив училище и проучившись почти четыре года в Москве, Захарий Петрович вернулся на родину и занялся профессиональной деятельностью – возглавлял оркестры, руководил различными хорами и музыкальной школой, писал музыку. Палиашвили стал одним из основателей Грузинского филармонического общества. Но главным в его жизни стало сочинение национальных опер, с чем он и вошел в историю грузинской культуры. Его авторству принадлежит целый ряд

опер. И даже музыка современного грузинского гимна взята из двух опер Палиашвили – «Абесалом и Этери» и «Даиси». А еще Захарий Петрович в 1910 году собрал и записал более трехсот народных песен и выпустил их отдельным печатным изданием «Сборник грузинских песен».

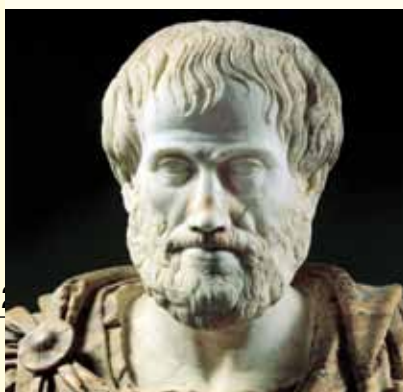
### НЕ ДРУГ ТЫ МНЕ, ПЛАТОН!

Нет ничего более неприятного, чем ссора просвещенных мудрецов – эта публика всегда готова отстоять свою трактовку конфликта и чуть ли не перегрызть друг другу глотки. Их свары отличаются непримиримостью и нетерпимостью к чужому мнению. Потомки почему-то пропускают подобные сценки в жизнеописаниях великих персонажей истории. В первой книге «Этики» великий Аристотель написал: «Хотя Платон и истина мне дороги, однако священный долг велит отдать предпочтение истине». Это выражение стало крылатым, и его вульгарно перевели, дескать, «Платон мне друг, но истина дороже». Так вот, граждане, не был Аристотель другом Платону, а был самым настоящим хейтером – постоянным источником скандалов и яростных споров, доходящих до рукоприкладства. Конечно, это произошло не сразу и не в первые годы, когда юный парень из городка Стагира, что на границе Македонии и Фракии у подножия горы Афон, пришел в знаменитую Академию афинского философа Платона – одного из последних учеников великого Сократа. Эта самая Академия представляла собой выкупленную небольшую рощу с заброшенной палестрой – стадионом за чертой города, где раньше тренировалась столичная молодежь. Там в четвертом веке до новой эры со своими учениками вел занятия популярный мудрец по имени Аристокл, прозванный то ли за высоту лба, то ли за ширину плеч Платоном – в переводе с уличного языка «широкий», или другими словами «здоровяк». Он насаждал в своей Академии строгие порядки: занятия начинались сразу после восхода солнца, все учащиеся с учителем во главе выстраивались в вереницу, соблюдая интервал примерно с нашу социальную дистанцию, и неспешным шагом отправлялись вышагивать по дорожкам, слушая лекцию Платона, строго по очереди дополняя ее сво-

ими вопросами и комментариями. Этих идей Платон нахватался у жрецов Древнего Египта. Конечно, такие правила нравились далеко не всем. И однажды произошел один неприятный случай. К старику Платону подошел с группой товарищей агрессивно настроенный бывший лучший ученик по имени Аристотель. После непродолжительной словесной перепалки, перешедшей в яростный спор, он прогнал старого учителя из Академии и сам занял его место занятий с учениками. К слову, Платон к тому времени был уже очень стар, миролюбив и просто переместился с занятиями в свой собственный сад, хотя и расстраивался, что многочисленные ученики топчут цветочные клумбы. А в молодые годы нахальный и не особо физически развитый Аристотель непременно получил бы как следует от огромного двухметрового атлета: по воспоминаниям, Платон был чемпионом Олимпиады по борьбе. В итоге за старого философа заступились его другие ученики и поставили Аристотеля на место. Но, представьте себе, этот инцидент, похоже, не единственный, не оказал никакого влияния на отношения в этой небольшой группе интеллигентов – они десятилетиями ежедневно посещали Академию, создав полноценную философскую школу. Аристотель провел в беседах тридцать лет, и, по его словам, именно там обрел в дискуссиях и спорах зерна своих великих идей, а после сумел письменно сформулировать весь основной свод своей философии. Первые труды Аристотель написал в свою бытность академиком круга Платона и всегда считал себя его учеником, хотя, по справедливости, он превзошел учителя. Этим летом великому Аристотелю исполняется 2405 лет со дня рождения. Дня точно мы не знаем – считается, что он родился в конце лета, да и с годом могли за тысячелетия напутать. Какая разница, коль есть повод вспомнить гения!

### ЮБИЛЕЙ ТИТАНА ДЖАЗА

Имя нашего юбиляра – Льюис Дэниэл, но на креольский лад, ибо он родился в Новом Орлеане на юге США, его называли Луи. А точнее, Луи Армстронг – величайший джазмен, гениальный музыкант, трубач и певец, один из основателей целого музыкального направления. Родился он 4 августа 1901 года в беднейшем «черном» квартале, отца своего даже не знал, а мать занималась проституцией, и ей было не до Луи с сестренкой. Детей забрала бабушка, но мальчику пришлось начать прирабатывать еще в возрасте дошколенка. И тут Луи в первый раз повезло – он устроился помогать





по хозяйству в еврейскую семью выходцев из царской России по фамилии Карнофские. Трудолюбивый мальчик им пришелся по сердцу. Они его подкармливали, покупали одежду и частенько оставляли его ночевать. В итоге мальчик стал в этой семье своим ребенком. Он выучился свободно разговаривать на идиш и неплохо по-русски – в дальнейшем, когда он стал знаменитым и приехал с гастрольями в социалистическую Прагу, Луи потряс советских журналистов во время интервью, перейдя на вполне понятный бытовой русский. Карнофские настаивали, чтобы мальчик ходил в школу, а позже, когда он подрос, купили ему корнет – первый в его жизни духовой инструмент. Но район, где рос Луи, был лихим – с барами, танцзалами и публичными домами. Там Армстронг впервые начал играть в группах на улицах и небольших кабачках. А потом случился неприятный случай – Луи стащил у маменькиного клиента, наверно, полисмена, пистолет пострелять с друзьями. И попался. Ему дали небольшой срок, что, возможно, пошло ему на пользу – Луи унял свой юношеский темперамент, а еще он постоянно играл в тюремном оркестре, что помогло ему научиться владеть инструментом. А что получилось дальше, знает весь мир – родилась новая музыкальная звезда, композитор и певец с уникальным хриплым тембром голоса. Тяжелое детство не озлобило Луи Армстронга, он был приветливым, великодушным, щедрым и очень хорошим человеком, оставившим по себе добрую память. Кстати, всю свою жизнь Армстронг носил на шее могендовид – шестиконечную звезду Давида в память о приютившей его еврейской семье. Немало музыкантов получили путевку в жизнь и стали известными, играя в его коллективах. Всю свою жизнь Луи, прозванный Сачмо, играл с самыми талантливыми джазменами, аккомпанировал и пел с чудесными певцами – Эллой Фицджеральд, Фрэнком Синатрой, Барбарой Стрейзанд, Билли Холидей, Бингом Кросби, Сиднеем Беше, Дюком Эллингтоном, Оскаром Питерсоном. Он был невероятно популярен в мире с довоенных времен и до самой смерти в начале 70-х. Его

похороны транслировались по телевидению на всю страну. А в поминальной речи тогдашний президент США Ричард Никсон назвал Сачмо «одним из творцов американского искусства, человеком яркой индивидуальности, чей блестящий талант и благородство обогатили духовную жизнь американцев, сделали ее более насыщенной».

### ДАТЫ В НЕСКОЛЬКО СТРОК:



### ПОДПИСАНИЕ ДЕКЛАРАЦИИ НЕЗАВИСИМОСТИ

В августе 1776 года состоялась церемония подписания Декларации независимости Североамериканских штатов Америки. Как же так, скажете вы? Ведь всем известно, что День независимости американцы празднуют 4 июля, когда было создано это новое государство США. А вот так! Получается, что 2 августа может считаться днем, когда независимость была закреплена де-юре. Можно справлять праздник еще один раз в году.



### ПОХИЩЕНИЕ ВЕКА

Из Лувра 21 августа 1911 года была похищена Мона Лиза. Хватились ее только через два дня. Поднялся страшный переполох, директора музея уволили, всех сотрудников таскали к следователям. У всех взяли отпечатки пальцев, благо на стекле нашелся один отпечаток похитителя. Но при этом почему-то не взяли отпечатков у стекольщика, который и вставлял портрет в раму. А это и был вор по имени Винченцо Перуджиа. Когда его схватили совершенно случайно через два года во Флоренции – он собирался продать картину и назначил встречу в гостинице, чтобы показать товар лицом. Покупатель пришел не один, а со своим дру-

гом – директором галереи Уффици. Они пришли и увидели настоящий подлинник. Оба бросились с кулаками на похитителя и подняли крик. На зов прибежали полицейские. Так Джоконда вернулась в Лувр, а похитителю дали почему-то всего лишь год тюрьмы, да и то выпустили через пять месяцев. Наверное, он растрогал итальянские власти своим патриотизмом, заявив, что хотел вернуть шедевр на родину. Да и вообще, дескать, улыбка Моны Лизы напомнила ему его первую любовь. Неплохая отмазка!



### КОНЕЦ ВЕЧНОГО РИМА

В августе 476 года Западная Римская империя пала под ударами варваров. Ее последним императором был юноша Флавий Ромул Август, прозванный Ромул Августул – мелкий Август. Его возвел на трон собственный отец – военачальник Орест, свергнувший императора Юлия Непота. И правил за сына, конечно же, отец, Ромулу было всего пятнадцать лет. Да и править, по большому счету, было больше нечем – от великой империи осталась только Италия и немного Южной Галлии. Мятежный папаша не рискнул назвать императором себя, а к красивому мальчику римляне отнеслись приветливо. Только ненадолго. Вспыхнул мятеж – и через десять месяцев Ромул был низложен. Римом овладел варвар Одоакр – командующий наемниками германцами. По правде сказать, этот военный был не слишком жестоким человеком: он пожалел мальчика, назначил ему пенсию и отправил с матерью в ссылку, наладил отношения с Востоком и отослал в Константинополь знаки императорской власти. Взамен же удостоился только звания патриция и управляющего западными провинциями формально единой империи.



# ДНИ ТОЛСТОГО

## «ПАУТИНА ЛЮБВИ» ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО

— Инна **БЕРИДЗЕ**

В Тбилиси в третий раз прошли Дни Льва Николаевича Толстого, посвященные 170-летию посещения писателем Грузии. Инициатор и организатор проекта – тбилисский Международный культурно-просветительский союз «Русский клуб» при поддержке и участии Музея-усадьбы «Ясная Поляна» и лично советника президента России по культуре Владимира Ильича Толстого.

### «МЫ ДРУГ ДРУГУ НУЖНЫ!»

В мультимедийном пресс-центре Sputnik Грузия прошел видеомост Тбилиси – Москва – Ясная Поляна, в рамках которого был организован круглый стол на тему «Лев Толстой: «Кавказ, несомненно, страна любви».

Его открыл главный редактор журнала «Русский клуб», куратор и организатор Дней Толстого в Грузии **Александр Сватиков**: – Я никогда не забуду те дни, когда в 1980-е годы Главная редакционная коллегия по художественному переводу и лите-

ратурным взаимосвязям Союза писателей Грузии в составе пяти человек сумела организовать совершенно удивительную командировку в музей-усадьбу Л.Н. Толстого «Ясная Поляна». Тогда я познакомился с потомком Льва Толстого и Афанасия Фета, старейшим научным сотрудником музея Николаем Павловичем Пузиным, и это было тоже совершенно фантастическое переживание. Потому что любой музей – это не только собрание мемориальных экспонатов, а, прежде всего, люди, которые в нем работают. Оживляют эти экспонаты и хранят память. Щедро делятся ею с каждым входящим. И когда ты гуляешь по территории Ясной Поляны, когда видишь удивительную могилку, где похоронен Лев Николаевич, у тебя в памяти на многие десятилетия остаются не какие-то материальные ценности – не посуда в роскошной столовой, не одежда. Отнюдь! Самое сильное впечатление производит табуреточка, стоявшая у гроба, в котором лежал Лев Толстой. Каждый приехавший, а поток людей был бесконечный и продолжался несколько дней – становился на эту табуреточку, чтобы отдать дань уважения великому русскому писателю. Она была настолько наскоро сколочена и при этом эксплуатировалась так много

лет по самым разным поводам, что ножка у нее не выдержала и сломалась. И когда ты знаешь эти детали, личность Льва Толстого становится для тебя удивительно живой, человеческой. В памяти остаются эта табуреточка, не выдержавшая людского потока, и зеленый холм, вокруг которого в 80-90 годы прошлого века шли очень сложные процессы. Расположенный рядом с Ясной Полянкой химический завод с его выбросами мало способствовал сохранению зеленых насаждений на территории музея-усадьбы...

А когда мы однажды приехали в Ясную Поляну впятером, то испытали шок: в резиновых сапогах и телогрейке вдруг появился человек, который тоже перебросил мостик между днем сегодняшним и началом XX, даже второй половиной XIX века – он стал рассказывать, как представители его рода общались с Львом Николаевичем, дружили с ним, вспомнил и о том, что Толстой сделал для них.

Еще одна страница, которая мне бесконечно дорога, – это связь Льва Толстого с фрейлиной императорского двора, знакомой, другом и собеседником А.С. Пушкина, В. А. Жуковского, Н.В. Гоголя Александрой Осиповной Смирновой-Россет. Лев Толстой, поехавший в Германию для изучения богатейшего европейского образовательного опыта в области воспитания детей, оказался после посещения казино без копейки денег, и ему не на что было вернуться в Россию. И тогда Александра Осиповна одолжила ему денег на дорогу.

Грузия сыграла в судьбе Льва Толстого, выдающуюся роль. Он приезжает на Кавказ с единственной целью – участвовать в Кавказской войне. И дни, проведенные сначала на Северном Кавказе, а потом в Грузии, поездки в Кахети, где был расквартирован полк и где они с братом Николенькой сдавали экзамены на получение офицерского звания, способствовали формированию писателя – все заканчивается тем, что Толстой посылает в редакцию журнала «Современник» свою первую повесть «Детство». В скором времени приходит положитель-

ный ответ. В итоге Лев Николаевич решает окончательно порвать с идеей о военной службе и полностью посвящает себя русской литературе. Я уже не говорю о его друзьях-грузинах. Среди тех, кто провожали Толстого в последний путь, были грузинские студенты, приехавшие из обеих столиц. Благодаря Льву Николаевичу связь между Россией и Грузией не только сохраняется, но и растет, укрепляется.

Директор музея-усадьбы «Ясная Поляна» **Екатерина Толстая:**

– Нам хотелось бы еще и еще раз побывать в гостеприимной Грузии, очень любим вас и ценим нашу дружбу. Кавказ сыграл большую роль в жизни Толстого. Он жил там не так долго – всего лишь два года и семь месяцев, но, безусловно, это навсегда захватило писателя. В этом году нашему музею исполняется сто лет. Есть еще одна удивительная и важная дата: 170 лет со дня прибытия Толстого на Кавказ. Мы очень рады, что в год 100-летия Ясной Поляны мы получили возможность открыть выставку – в том месте, где писатель начал свою службу, куда приехал 30 мая 1851 года. Он посетил многие места на Кавказе – Кавказские Минеральные Воды, Грузию, Северный Кавказ. Международный фонд «Насле-

На пресс-конференции



дие Л.Н. Толстого» совместно с коллективом музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» и при финансовой поддержке Министерства культуры России создали новую постоянную экспозицию для Литературно-этнографического музея Л.Н. Толстого в чеченской станции Старогладовская. Это место одно из самых важных для писателя. Экспозиция носит название «Толстой и Кавказ». Отдельный уголок выставки посвящен теме «Толстой и Грузия». Использована гравюра Григория Гагарина «Тифлис». И рассказывает эта часть экспозиции именно о том, как Толстой для сдачи военного экзамена приезжал в Тбилиси. Для нас огромная радость, что после десяти лет работы мы имеем возможность в этот юбилейный год открыть два новых музейных пространства – в городе Тула и в городе Крапивне, в котором Толстой вел общественную деятельность – музей расскажет о земском самоуправлении в России и общественной деятельности писателя. Так что весь год проходит под флагом столетнего юбилея нашего музея.

Заведующая отделом научно-исследовательской работы музея-усадьбы «Ясная Поляна» **Галина Алексеева:**

– Мы еще провели круглый стол «Миссия музея, вызовы



**Мария Филина и Александр Сватиков**

времени» с участием директоров ведущих литературных музеев России. Кстати, многие выразили желание приехать в Грузию для проведения семинара, конференции или круглого стола. С нашей стороны мы готовы сделать все возможное для осуществления этого намерения. В августе у нас пройдет Шестнадцатая международная конференция «Толстой и мировая литература», которая традиционно проходит на базе личной библиотеки Толстого – она внесена в реестр всемирного документального наследия ЮНЕСКО «Память мира». Мы с удовольствием примем грузинских коллег на нашей конференции. А еще у нас пройдет очередной семинар переводчиков Толстого и других русских классиков. Мы тепло, с ностальгией вспоминаем тбилисскую конференцию 2002 года «Л.Н. Толстой. 50-е годы. Рождение художника. К 150-летию пребывания Толстого в Тифлисе». А потом и конференцию 2011 года. Мы с коллегами хотим повторить эти чудесные события. Темы, которые мы на них затронули, требуют дальнейшего обсуждения и изучения. Действительно, Тифлис для молодого Толстого – это непривычные 70 с лишним дней. Он вел в Грузии очень спокойную, размеренную жизнь, как он

пишет, – в этой «деревенской части города». Это была немецкая колония, вся утопающая в садах, и Толстой наслаждался там спокойствием, благополучием. Его интересовала театральная жизнь Тифлиса, и он пишет своей тетушке Ергольской Т.А., что Тифлис – город очень культурный. Что есть итальянская опера. Шутя Толстой говорил, что здесь у него только три приятеля: князь Барятинский, благодаря которому Лев Николаевич получает разрешение на военную службу, аптекарь и еще кто-то третий. В Тифлисе он читал газеты и писал по поводу прочитанного в послании к брату: «Если захочешь щегольнуть известием с Кавказа, то можешь рассказать, что второе лицо после Шамиля некто Хаджи-Мурат на днях передался русскому правительству». Эту информацию он получает, находясь в Тифлисе.

Среди книг, которые произвели наиболее сильное впечатление на Толстого, – английский писатель XVIII века Лоренс Стерн. В личной библиотеке Льва Николаевича находится карманное издание Лоренса Стерна «Сентиментальное путешествие». И вполне можно предположить, что Толстой взял это книжку с собой на Кавказ. Возможно, она была с ним и в Тифлисе. Толстой выписывает у

Стерна цитату о паутине любви, паутине добра. И уже в начале 50-х годов в одном из вариантов «Отрочества» Толстой берет ее в качестве эпиграфа: «Если природа так сплела свою паутину доброты, что нити любви и нити вождения вплетены в один и тот же кусок, следует ли разрушать весь кусок, выдерживая эти нити». А для Лоренса Стерна самое высшее предназначение человека – быть счастливым. Кульминацию этой темы – «паутина любви», «паутина добра» – мы находим в кавказской повести Толстого «Казачи», об этом говорит главный герой произведения Оленин. Толстой занимается переводами Стерна, будучи совсем молодым человеком. Для развития памяти и слога. Но было еще одно влияние. Можно провести параллели между повестью «Детство» и «Дэвидом Копперфильдом» Диккенса, который тоже произвел сильное впечатление на Толстого – Лев Николаевич читал этого автора в период написания повести «Детство». А вот Лоренс Стерн был для Толстого вдохновением.

Профессор ТГУ им. И. Джавахишвили, доктор филологических наук **Мария Филина**:

– Мы вместе с вами! Конференции завершаются, а люди остаются. Те, кто побывали в Тбилиси, потом душевно стремятся сюда всю жизнь. Толстой оказался на Кавказе совсем в ином мире, и этот мир жил в нем до конца жизни. Через пятьдесят лет, когда он писал своего «Хаджи-Мурата», кавказские впечатления жили в нем абсолютно ярко. Он, конечно, просил материалы у разных своих корреспондентов, но сами воспоминания и чувства были в нем необыкновенно живы. Видимо, действительно это «паутина любви», которая окутывает и держит в потрясающем тоне. Потому что в своем завершающем шедевре «Хаджи-Мурат» Толстой вернулся к кавказским впечатлениям. Будем жить в уверенности, что мы друг другу нужны, что мы друг у друга есть.

Старший научный сотрудник Музея-усадьбы «Ясная Поляна» **Елена Белоусова**:

– Помню конференцию 2011



года, обмен мнений о литературе, не только русской, но и мировой литературе. Как быстро пробежали десять лет! Это огромный период в жизни человека. Но когда людей связывают дружеские отношения, десять лет пробегают как один день. Вся эпоха нашего знакомства с Грузией насыщена непрекращающимся общением. С Александром Сватиковым, другими нашими грузинскими коллегами. Очень хочется, чтобы исчезли искусственные барьеры в нашем диалоге. Чтобы встреча была настоящей. Чтобы мы могли почувствовать тепло объятий. Онлайн-конференция, видео-мост этого теплого, дружеского общения не заменит.

Лектор ТГУ им. Джавахишвили, доктор филологических наук **Илона Дзнеладзе**:

– «Ясная Поляна» для меня – место из моего детства. Потому что я выросла в Грузии, но была русским ребенком. И все, что я читала, все, что я знала о Льве Толстом, у меня ассоциировалось с чем-то очень светлым, красивым.

### **МОЩНЕЙШИЙ ПРОРЫВ В XXI ВЕК**

В рамках Дней состоялась онлайн-конференция. Прозвучали доклады на актуальные темы, вызвавшие большой интерес и живую полемику.

Мария Филина выступила с сообщением «Материалы к «Хаджи-Мурату» Льва Толстого и тексты ссыльных польских литераторов».

В докладе говорилось о том, что «Толстой как писатель во многом сформирован именно Кавказской войной, которая совпала с его рождением как писателя. Толстой, как известно, сделал несколько открытий мирового масштаба в художественном осмыслении войны. Рождались они на Кавказе и чуть позже – в Севастополе. Впервые в мировой литературе война предстала не цепью побед и поражений, не подвигами и предательствами, а ратным трудом, неестественным, но обыденным, каждодневным. Толстой не делает различия в значении жизни полководца и безвестного солдата. Напро-

тив, полководец может быть представлен ничтожеством, и эта идея будет одной из центральных в «Войне и мире», а солдатская душа, ее переживания становятся источником для психологических открытий, философских обобщений. Писатель рисует быт солдат, их привычки, характеры, столкновения, рядовой день их жизни. Рядовой с той разницей, что он может быть оборван ранением или смертью, что, оторвавшись от песни, от нехитрого обеда, от любимой трубки, он может без пафоса и так же привычно убивать себе подобных, которых не известная ему сила определила как врагов».

И далее: «Историю любимого наиба, а потом врага Шамиля, Хаджи-Мурата, перешедшего на сторону русских, Толстой знал уже в 1851 году, когда он сам был участником Кавказской войны. Но считается, что толчком к созданию повести стал дикий «татарин»-репей, который попался ему в поле среди иных полевых цветов. Столкновение нескольких миров – природы и человека, разных цивилизаций и сознаний, простого человека и машины власти, менталитета мужчины и женщины сплелось в сложнейшем конфликте повествования. Это одно из ярких воплощений не только антиномии «война – мир», но и самого глубинного постижения менталитета иного народа, иной национальной стихии».

По мнению М. Филиной, «ни один русский автор так глубоко

но не проник в непримиримость сознания, целей и задач русской армии и кавказских горцев. И, возможно, ни один с поистине жесткой, а не жестокой мужской силой не представил героев из двух вражеских станов. Толстой считает два мира непересекающимися, но равновеликими по значению, что также редко дано писателю, принадлежащему одному из этих миров».

Как отмечается в докладе, «в антиномии национальных миров имеется выход к общечеловеческому, что для Толстого первоначально». И далее: «Надо было обладать огромным мужеством, чтобы в ту пору представить Кавказскую войну именно как завоевательную, создать концепцию, противоположную официальной идеологии».

С определенными оговорками можно сказать, что Толстой выразил и крик боли кавказских народов и остался патриотом в особом, первоначальном значении понятия».

Мария Филина показывает, что взгляды Толстого на Кавказскую войну совпадают с документами, созданными представителями совершенно иной культуры – ссыльными политическими поляками, которые вынужденно участвовали в этой кровопролитной военной кампании. «Фактически существовали официальные документы с правительственной версией, народы Кавказа – черкесы, чеченцы не оставили письменных свидетельств. И кроме Толстого, быть может, Марлинского,

**Илона Дзнеладзе**





Инна Безирганова

существовала целая кавказская литература этих поляков», – отмечает автор исследования.

В своей статье «Две противоположности: война и свобода (от кавказских рассказов и повестей Л. Толстого до его «Письма к индусу»)» Илона Дзnelадзе показала на материале кавказских рассказов и повестей и потом – на основании умозаключений Льва Николаевича, представленных в его «Письме к индусу», процесс переосмысления одной из важных тем в творчестве великого прозаика: «войны и свободы, как столкновения двух непримиримых противоположностей». В докладе прослеживается эволюция взглядов Толстого на войну, рассказывается о переломе в мировоззрении писателя, который приходит к отрицанию всякой войны, ведь все люди – братья и обязаны жить в мире – и глубокому убеждению в том, что война нужна безнравственным властолюбивым деспотам, возомнившим себя вершителями судеб; о формировании толстовского учения о непротавлении злу насилием, о критическом отношении к нему со стороны некоторых современников, не принимающих «душщипательную, умилительную философию писателя» (Дмитрий Быков). Автор статьи завершила выступление цитатой из Толстого: «Чем дольше я живу, и в особенности теперь, когда живо чувствую близость смерти, мне хочется сказать другим то, что

я так особенно живо чувствую и что, по моему мнению, имеет огромную важность, а именно о том, что называется непротавлением, но что в сущности есть не что иное, как учение любви, не извращенное ложными толкованиями...».

Елена Белоусова представила доклад «Очерки Кавказа. Замысел Льва Толстого, осуществленный его старшим братом Николаем Толстым». Статья посвящена старшему брату Льва Толстого писателю Николаю Толстому, которому до сих пор не уделялось должного внимания в литературоведении. Впервые поднимается вопрос о поэтической эстетике Н.Н. Толстого. Автор рассказала о неизвестных в читательских и научных кругах произведениях Николая Николаевича – очер-

ках «Охота на Кавказе» и рассказах.

«Христианский анархизм Льва Николаевича Толстого. Персональное прочтение» – так называется исследование, представленное профессором Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), доктором философских наук **Светланой Климовой**. Она рассказала об историческом движении духоборов в контексте современной политической философии. Светлана Климова актуализировала эту тему в связи с теми оценками политической реальности, которые произошли уже в XX и XXI веке в европейском и мировом контексте.

Докладчик размышляла о проблеме государства и личности, которая стала актуальной в XVII-XVIII вв. Человек священен по факту своего рождения, ибо в каждом есть одно и то же божественное ядро. Человек может свободно подчиняться внутреннему своему основанию, высшем началу, может сознательно жить по заповедям Христа, и тем самым исполняется Его воля – воля Бога и его предназначение на Земле. В этом смысле государство не может подменить волю Бога своей. Не может навязать ее человеку. Но государство отбирает его свободу. То есть – его природную данность.

По мнению Светланы Климовой, для того, чтобы человек понял, что он от рождения за-

Включение «Ясной Поляны». На экране – Галина Алексеева



хвачен этой силой, Толстой занимался реконструкцией мира культуры, искал первоисток человеческого в самом человеке. Он деконструировал науку, культуру, социальные рамки, всякого рода знания, стереотипы. Все усилия писателя были направлены на то, чтобы показать человеку его самого.

Исследователь назвала это мощнейшим прорывом в XXI век. Раньше даже не могли представить себе того тоталитарного контроля государства, который будет иметь место в XX и нынешнем веке. Феномен власти государства над телом человека был назван французским философом и социальным теоретиком Мишелем Фуко фактом биополитики – когда государство самовластно занимается регуляцией деторождения, гендерными вопросами, проблемами снижения смертности, миграции, беженцев.

«Мне кажется, современные понятия биополитики, биовласти могут быть востребованы в историческом разговоре о духоворах, которые отстаивали свое право на автономию – не только природную, но и религиозную – она была для них природной, естественной. Она не подчинялась ни официальной церкви, ни власти. Духоборы определяли свои гражданство и права не через понятия нации, религиозности, не по месту рождения, а только через принадлежность к Христу, христианству, только через свою религиозную идентичность. Считали ее универсальной, то есть позволяющей им ощущать себя такими же гражданами России, как и официально верующие русские православные. Духоборы оказались в положении неграждан и в итоге сначала стали переселенцами, а потом и беженцами», – отметила в своем докладе Светлана Климова.

Проблемам сценической интерпретации произведений Толстого посвятила свой доклад театровед, журналист Инна Безирганова. Как отмечают исследователи, классическая проза оказывается все более востребованной театром именно в силу заключенного в ней «интерпретационного призыва», структурных особенностей, де-



Гореловка. Сиротский дом

лающих акт ее чтения-интерпретации подлинным творчеством. В докладе был подчеркнут важный аспект, связанный с инсценировкой прозы Толстого на грузинской сцене, – прочтение литературного произведения на другом языке, на языке другой театральной культуры, когда возникает пресловутый диалог культур. И это позволяет найти неожиданную трактовку, новую актуальность, под другим углом взглянуть на хрестоматийные тексты.

Как это сделали режиссеры и авторы инсценировок Авто Варсимашвили, Гизо Жордания, Леван Цуладзе, Темур Чхеидзе, предложив свои интерпретации произведений Льва Николаевича Толстого.

Дни Толстого завершились поездкой в край духовоборов – село Гореловку.

Участники дней встретились с жителями села – духоворами, посетили Моленный («Сиротский») дом, передали ученикам школы им. Льва Толстого подарки – книги и сладости. В своем докладе, подготовленном для конференции, председатель Союза русских женщин Грузии «Ярославна» Алла Беженцева, в частности, отметила: «Из более 6-7 тысяч духовоборцев, проживавших в Грузии в конце восьмидесятых годов XX столетия, осталось не более 250 человек, в основном 50-70-летние.

Многие духовоборцы после распада Советского Союза переселились в Тульскую и Брянскую области России. Страх и неуверенность в завтрашнем дне, безработица вынудили часть их на переселение. Однако нарушение духовного единства привело к тому, что многие духовоборцы растворились в общей массе населения. Сегодня только в Гореловке духовоборцы все еще составляют большинство населения. Здание русской школы, которая построена в 1902 году на пожертвования Л.Н. Толстого, до сих пор стараниями духовоборцев пребывает в хорошем состоянии. В октябре 2003 года, по ходатайству МКПС «Русский клуб» и Союза русских женщин Грузии «Ярославна», а также при поддержке Министерства образования Грузии, школе было присвоено имя Л.Н. Толстого, а троим педагогам и директору были вручены правительственные награды. Раньше школа была многочисленная, в ней училось более 400 человек. Потом школа стала смешанной, здесь стали учиться экомигранты из Абхазии. После ремонта здания интерната, который находится на территории школы, грузинский сектор отделился, и школа №1 в Гореловке стала русской. Ее возглавляет Татьяна Карева. Сейчас в школе учатся 55 человек».



Инеза Авалиани, хранитель Дома-музея Р. Чхеидзе в Кутаиси, Кети Долидзе, Лана Гогоберидзе и Вячеслав Шмыров. Фото Игоря Харитонов

## ПРОБЛЕМЫ НУЖНО ЛЕЧИТЬ КУЛЬТУРОЙ

— **Инна БЕЗИРГАНОВА**

Российского киноведа, кинокритика, редактора, организатора кинофестивалей Вячеслава Шмырова с Грузией связывают давние и прочные узы. Это и стало темой нашего диалога.

— С Грузией вы сотрудничаете почти одиннадцать лет. Расскажите, пожалуйста, с чего началось ваше знакомство с нашей страной?

— Это произошло достаточно неожиданно. В годы перестройки журнал «Искусство кино» заказал мне статью о режиссере Михаиле Эдишеровиче Чиаурели — одиозной фигуре сталинского кино, авторе фильмов «Клятва» и «Падение Берлина». Я поставил тогда перед собой

задачу встретиться со всеми на тот момент жившими людьми, которые с ним работали и дружили, когда он обитал в Москве. Поэтому я общался с его монтажером, гримером, сценаристом... В их рассказах вырисовывался объемный и неоднозначный портрет талантливого человека.

Я даже установил тот факт, что Михаил Чиаурели был неофициально выслан Хрущевым из Москвы в Свердловск — из-

за его дружбы с Берия (в тот год его расстреляли). В столице Урала в это время была студия документальных фильмов, и Чиаурели снял полнометражную картину про тружеников тыла. Я очень хотел найти сам документ, на основании которого режиссер оказался в Свердловске. Просмотрел все приказы по «Мосфильму» за 1953 — 1955 годы и обратил внимание, что в это время много грузин, сотрудников Чиаурели, увольнялись с «Мосфильма» (и они возвращались в Грузию), но про самого режиссера в этих документах, как ни странно, не было ни слова. Хотя что тут странного? Скорее всего распоряжение главы правительства было устным... Но оно несомненно было — хотя бы потому, что дело Михаила Эдишеровича разбиралось на Комитете партийного контроля, и оно остается до сих пор засекреченным.

И вот почти случайно в ведомственном каталоге документальных фильмов я нашел упоминание о фильме, снятом Чиаурели в ссылке, — «Подвиг народа». И далее действительно было написано: Свердловская киностудия, реж. М. Чиаурели... А чуть позже режиссеры Валерий Усков и Владимир Краснопольский, авторы фильмов «Вечный зов» и «Ермак», уроженцы Свердловска, рассказали мне, как совсем молодыми людьми ехали поступать во ВГИК и оказались в купе дипломатического вагона, хозяином которого был Михаил Чиаурели... А ездил он с шиком. У него всегда были вино, фрукты, шоколад. Свой аристократический образ жизни он не менял и даже не терял надежду вернуться на «Мосфильм» — мечтал поставить «Евгения Онегина». Но все бывшие московские друзья от него отвернулись, потому что в стране произошла полная смена политических декораций. В итоге Михаил Эдишерович вернулся в Грузию, где окончил свой творческий и человеческий век.

У меня все было собрано для статьи, но я хотел все-таки полететь в Грузию. Понимал, что нужна встреча с дочерью режиссера, великолепной актрисой Софьей Михайловной



С Хаки Навсадзе и кинокритиками Еленой Стишовой и Аллой Гербер в Тбилиси (в рамках Дней российского кино). Фото Игоря Харитонов

Чиатурели. Тем более, что сама Софиико была в 50-е годы студенткой ВГИКа и жила в Москве. Мне купили билет, и когда я уже должен был лететь в Тбилиси, случились события 9 апреля. И мне пришлось билет сдать. Кто бы со мной стал говорить в те трагические дни про дела давно минувших лет! А потом и статью о Чиатурели я передал в редакцию без комментария Софиико Михайловны. Так мы с ней и не познакомились. Ни тогда, ни позднее. Тем неожиданнее было оказаться в ее доме, в доме Михаила Чиатурели и Верико Анджапаридзе, почти четверть века спустя...

**– Но это уже история наших дней. А очное знакомство с Грузией с чего начиналось?**

– В 2010 году мне позвонил известный предприниматель и меценат Константин Лузиньян-Рижинашвили, который хотел провести в Тбилиси фестиваль российского кино. С этим предложением он обратился к режиссеру Эльдару Рязанову и писателю Алле Гербер, а они порекомендовали меня в качестве программного директора. Мне было совсем несложно подобрать программу, привлечь кинематографистов. Но казалось не совсем правильным

действовать по-партизански. Ведь годом раньше произошел разрыв дипломатических отношений между Россией и Грузией. Запретить российские власти мне ничего не могли, но, возможно, в новом контексте пошли бы в чем-то навстречу. Поддержали бы шаги народной дипломатии, которой, по сути, и явился наш фестиваль.

Так и случилось. Нас поддержал специальный представитель президента России по международному культурному сотрудничеству Михаил Ефимович Швыдкой. А потом сформировалась достаточно представительная делегация, в которую вошли продюсер Сергей Сельянов, документалист Виталий Манский, кинорежиссеры Сергей Соловьев, Валерий Тодоровский, Алексей Федорченко, сам Эльдар Александрович Рязанов, который стал президентом фестиваля...

Первая же встреча в Тбилиси была удивительной. Константин нас повел в ресторан, который буквально нависал над городом, и там я увидел знакомое лицо. Помню, я тогда подумал: «Если я с этим человеком не поздороваюсь, он на меня обидится, но откуда я его знаю, не помню!» И я поздоровался. А с нами была журналистка Ирина Любшина.

И тут выяснилось, что этот «знакомый незнакомец» сын Резо Габриадзе Леван, снявшийся в фильме «Кин-дза-дза» вместе со Станиславом Любшиным, мужем Ирины. Она-то нас и познакомила, а Леван пригласил делегацию в Театр марионеток Резо Габриадзе, который недавно был отреставрирован.

Интерес к российским фильмам был огромным. Открывались мы в кинотеатре «Руставели» фильмом Валерия Тодоровского «Стиляги», а закрывались «Анной Карениной» Сергея Соловьева. Вот тут буквально ломали двери, а в дирекцию фестиваля даже позвонили с просьбой оставить место для бабушки Михаила Саакашвили. Не знаю, пришла ли в итоге бабушка, но было что-то невероятное! Тбилиси – теплый, гостеприимный город. И еще сыграл свою роль, конечно, фермент прежней нашей, еще советской, жизни. Например, Эльдара Рязанова узнали пограничники в аэропорту и очень сердечно приветствовали. А ведь это достаточно молодые люди!

Этот фермент помог нам и два года назад, когда в огромном зале Тбилисского русского драматического театра имени А.С. Грибоедова вместе с театром мы провели вечер памяти



С Александром Рехвиашвили.  
Фото Генриетты Перьян

Марлена Хуциева и Георгия Данелия (они ушли в 2019 году). Из Москвы прилетели актеры Станислав Любшин, Валентина Титова, Ольга Машная, Дмитрий Харатьян, вдова Георгия Николаевича Галина Ивановна, а тбилисские артисты и музыканты подготовили потрясающую концертную часть с песнями из «Весны на Заречной улице» и «Июльского дождя», «Я шагаю по Москве», «Не горюй!» и «Мимино». Спасибо Театру Грибоедова и его директору Николаю Николаевичу Свентицкому – ведь это был не только вечер печали по ушедшим, но и праздник дружбы и прекрасных воспоминаний!

Другое дело, что делать ставку на старшее поколение уже практически невозможно. Рязанов слетал с нами только один раз. Данелия хоть и помогал письмами, сам по состоянию здоровья уже был «невъездным». Помогал нам и Станислав Говорухин, и однажды прилетел в Тбилиси со своей последней картиной «Конец прекрасной эпохи». Чуть ли не полсъемочной группы привез.

И очень волновался! Но фильм приняли хорошо, зал был набит зрителями, а из «провокаций» был разве что неудачный подход к мэтру одной молоденькой журналистки с неудобными вопросами, но Говорухин довольно умело вышел из этой ситуации. Политика осталась в стороне! Вспоминаю приезд в Грузию и Аллы Суриковой, которая очень много работала с Софиико Чиаурели. Именно она первой вошла в дом актрисы, когда двери этого намоленного дома (по существу, музея) для российских кинематографистов открыл сын Софиико Михайловны Нико Шенгелая.

**– А насколько органично в грузинскую повседневность входят новые имена российского кино?**

– Я недаром уже назвал имена Сергея Сельянова, Виталия Манского, Валерия Тодоровского. За эти годы в Тбилиси побывали многие известные актеры и режиссеры среднего поколения, которых широко еще не знают в Грузии. Однако мы привозили их лучшие фильмы – «Страну Оз», ее представляли Василий Сигарев и Яна Троянова, или «Рассказы» Михаила Сегала, или «Кококо» Авдотьи Смирновой с участием Анны Михалковой, или «Ангелы революции» Алексея Федорченко с Дарьей Екамасовой...

Поездка в Грузию стала последним кинематографическим турне в жизни Алексея Балабанова, которого не стало через полгода. В «Руставели» прошла ретроспектива его картин, а сам Алексей зачастил на Сухой мост, который, видимо, питал его творческую фантазию. Во всяком случае, в результате этой поездки в СМИ с подачи Балабанова просочилась информация, что он будет снимать в Тбилиси эксцентрическую комедию о молодом Сталине, «экспроприаторе экспроприаторов»... А на фото с этого фестиваля Балабанов и его друзья знакомятся с Резо Чхеидзе, пришедшим на одну из наших кинопремьер.

Что-то в этом фестивальном формате получалось, а что-то нет. Очень болезненным стал переезд фестиваля из кинотеа-

тра «Руставели» в «Амирани». Так в одностороннем порядке решила «грузинская сторона». И это был первый звоночек о том, что нам надо менять формат и партнеров. Но к этому времени мы подружились с дирекцией Батумского международного кинофестиваля, стали делать с ними совместные программы для фестивалей. Привезли в Батуми в качестве членов жюри или почетных участников Вадима Абдрашитова, Александра Миндадзе, Светлану Немоляеву, Марину Разбежкину, Николая Хомерики... И совсем молодых режиссеров – в конкурсные программы.

Так мы постепенно ушли из Тбилиси, а фестивальный формат трансформировался в формат международной киношколы, которую, по существу, благословил Александр Сокуров. Первую киношколу мы открывали его фильмом «Франкофония», а среди молодых участников были его ученики Кантемир Балагов и Владимир Битоков, с самыми первыми, еще короткометражными работами. Только через полтора года Балагов снимет «Тесноту» и всемирно прославится, а тогда все только начиналось.

Киношкола с течением времени переехала в Батуми. Нас который год с любовью принимает приморской отель «Адмирал». Среди участников – молодые режиссеры с успешными короткометражками из 14 стран бывшего СССР (кино сегодня не снимают только в Туркменистане), а среди мастеров – режиссеры, продюсеры, киноведы из России, Украины, Армении, Казахстана... Грузию три года назад представлял незабвенный Александр Рехвиашвили, который всегда меня поражал своим аристократизмом. А уж его фильмы, сделанные с утонченной кинематографичностью, я хорошо помню еще со вгиковской поры.

Формат же Недели российского кино в Тбилиси фактически возродился с того памятного вечера в Театре Грибоедова, о котором я уже говорил. Вечер стал открытием кинонедели и привлек на кинопоказы в Малом зале театра огромное количество зрителей. А фильмы



С Резо Габриадзе и Александрой Ребенюк. Театр Габриадзе. Фото Игоря Харитонова

представляли не только российские актеры и режиссеры, но и грузинские артисты, которые периодически стали сниматься в российском кино. В этот раз нам повезло с Мишей Гомиашвили: на показ комедии «Хэппи энд» со своим участием он привел половину труппы Театра имени Марджанишвили, в котором работает, во главе с хорошо известным в России режиссером Темуром Чхеидзе. Спасибо еще раз русскому театру и моему другу Коле Свентицкому!

**– Расскажите, пожалуйста, с кем еще из деятелей грузинской культуры вас связывали, связывают дружеские отношения?**

– С удовольствием вспоминаю знакомство с выдающимся кинооператором Ломером Ахвледиани. Это был год, когда мы привезли в Тбилиси Павла Лунгина, у которого в рамках российской кинонедели проходила ретроспектива. Каждую свою картину Павел исправно представлял. И вдруг на один из показов не явился! Мне в панике звонят из кинотеатра: «Найдите его, пусть Лунгин приезжает к концу просмотра, люди хотят поговорить с ним!»

Я начинаю искать Павла Семеновича и нахожу его в доме Ломера Ахвледиани. Конечно же, он за обильно накрытым

столом! Говорю ему: «Паша, я за тобой сейчас приеду, а потом верну тебя обратно! Пусть хозяин не волнуется, через полчаса ты будешь вновь сидеть за накрытым столом и говорить тосты!» Машина приезжает за Павлом, он выходит, а за ним – хозяин дома. И Ломер говорит мне: «А вы будете заложником! Если Павел вдруг не вернется, вы будете сидеть у меня за столом!»

И мне пришлось остаться в качестве «заложника» в гостеприимном доме Ломера Бидзиновича. Потом Паша вернулся. Мы с ним вместе прекрасно посидели. А дом Ломера Ахвледиани стал для меня с тех пор символом грузинского застольного праздника. И домом, в котором, как мне показалось, просто не запирается дверь. В этом я потом убеждался еще несколько раз! Самые невероятные люди мне попадались в гостях у Ломера Ахвледиани. И, между прочим, именно в этих стенах я познакомился с лучшим, с моей точки зрения, современным грузинским кинорежиссером Леваном Когуашвили! Его фильм «Слепые свидания» – это образец преемственности старой и новой грузинской кинематографической школы.

С Эльдаром Шенгелая много встреч было в Тбилиси и в Москве. В киноклубе «Эльдар» мы

организовали его творческий вечер, в котором участвовали Марлен Хуциев, Роман Балаян, Валентина Теличкина. Грузинская авиакомпания «Аирзена» в спонсорском режиме и в лучшем виде доставила из Тбилиси

На пресс-конференции с А. Сокуровым и Б. Цуладзе. Фото Игоря Харитонова





Максим Царьков, Вячеслав Шмыров и Николай Свентицкий у памятника С. Параджанову. Фото Игоря Харитонов

не только Эльдара Николаевича и его семью, но и Нани Брегдадзе, которую с восторгом приняла московская публика. Одна была незадача: телеканал «Культура» не мог найти деньги, чтобы записать этот вечер и сделать его достоянием широкого круга зрителей. И тогда мы вскладчину оплатили эту телеверсию. И сделали с большим желанием: ведь Эльдар Николаевич в папаче и бурке буквально гарцевал на сцене!

Жалею, что не удалось познакомиться с Георгием Шенгелая, что мало пообщался с Ланой Гогоберидзе (надеюсь, что все еще впереди), которая пришла поддержать сокурвскую премьеру «Франкофонии» и, как в лучшие времена, после показа произнесла большую проникновенную речь. Рад, что довелось пообщаться с Гией Канчели (нас познакомила когда-то на «Кинотавре» Вера Таривердиева, вдова Микаэла Леоновича), Кахи Кавсадзе, Баадуром Цуладзе, который был большим другом нашей киношколы... Их уже, к большому сожалению, нет на свете.

Мы застали еще Мишу Кобахидзе, автора грандиозных короткометражек, и много с ним общались. И мне было радостно, что, когда в Тбилиси приехал режиссер и актер Андрей Смирнов, автор «Белорусского вокзала», он оказался на каком-то приеме за одним столом с Кобахидзе.

А Смирнов и Михаил Кобахидзе учились почти одновременно во ВГИКе: один – у Ромма, а второй – у Герасимова! Увидев своего товарища, Андрей Сергеевич даже воскликнул: «Это же Миша Кобахидзе, мы же с тобой не виделись 50 лет!». Это дорогие воспоминания...

**– Что вы скажете о современном грузинском кино?**

– У грузинского кино очень сильные корни. Это же едва ли не самая состоявшаяся кинематография на евразийском пространстве в XX веке. Столько замечательных имен и фильмов! И последние достижения грузинских режиссеров новых поколений указывают, что дело не только в намоленных стенах той же киностудии «Грузия-фильм». Конечно, жаль, что она не работает, но, видимо, есть вещи и поважнее. Это – традиции, а преемственность – от учителя к ученику, полагаю, хорошо обеспечивает тот же театральный институт имени Шота Руставели, в котором учились и Заза Урушадзе, и уже упомянутый Леван Когуашвили. Ну и потом наличие таких фигур, как Резо Габриадзе, до недавнего времени действующих, не проходит даром. В России с ее пространствами и многовариативностью художественного развития такое невозможно.

Путь грузинского кино (как и всего европейского) сейчас,

С Зурабом Абашидзе, Константином Лузиньяном-Рижинашвили, Аллой Суриковой в доме Софики Чиаурели. Фото Игоря Харитонов





прежде всего, в копродукции, что тот же Заза Урушадзе на примере фильма «Мандарины», попавшего в шорт-лист «Оскара», блистательно показал. Увы, этого режиссера тоже нет с нами. И, возможно, с уходом этой фигуры серьезно нарушена связь поколений. Но это не значит, что у грузинского кино нет будущего. Прошлогодний европейский успех фильма «Начало» дебютантки Деи Кулумбегашвили доказывает обратное.

Другое дело, что чем дальше, тем меньше в новых картинах будет воскресать совместное прошлое, завязанное на жизни в Советском Союзе, например. Сейчас силен дух отчуждения. Но, думаю, что рано или поздно чья-то художническая смелость прорвет и этот барьер. Наверняка новые поколения режиссеров предложат нам новые (а они же старые) темы без излишних сюсюканья и предвзятости.

Мне бы очень хотелось провести в Москве и других городах России ретроспективу современного грузинского кино. И российский МИД нас в этом поддерживает. Но время пандемии, конечно, не лучшее для таких акций. Поэтому придется подождать.

**– Каковы, на ваш взгляд, перспективы сохранения и развития культурных связей наших стран, учитывая нынешнюю политическую ситуацию?**

– К сожалению, сегодня российско-грузинские взаимосвязи базируются на очень шаткой почве. И мы имеем уже немалый опыт существования вне дипломатических отношений между нашими странами. С другой стороны, этот опыт по-своему уникален и говорит еще и о том, что народная дипломатия оказалась вполне состоятельной!

За минувшие годы много сделано по линии наших фестивалей и киношколы, по линии культурных мероприятий того же Николая Свентицкого, каких-то других энтузиастов. Театры ездят с гастрольями, обменными спектаклями... В Грузию приезжают известные люди. Но шаткость в том, что достаточно одной провокации для того, чтобы в России в высоких кабинетах сложилось впечатление о недружественном



**Ираклий Квирикадзе представляет фильм «Лунный папа» в Тбилиси (в рамках Дней российского кино). Фото Игоря Харитонов**

характере Грузии. И нам, работающим в этой стране, стоит больших усилий, чтобы убедить людей из этих кабинетов: все равно нужен культурный обмен, гастрольи, фестивали, поездки по нашим странам.

Я боюсь, что случай с Владимиром Познером по крайней мере на год отложит многие наши планы. Это злостная, неумная и одновременно хорошо спланированная и организованная провокация. Ну и СМИ, в том числе и российские, как водится, создали соответствующий враждебный контекст. Но все, если говорить о повседневной жизни в Грузии, большая неправда! За одиннадцать лет сотрудничества с вашей страной я помню всего лишь один пикет около кинотеатра «Руставели». И тот за пять минут быстро рассосался – после того, как к молодым людям-пикетчикам подошли такие же молодые люди из нашей делегации. А когда я потом вышел на сцену и спросил тбилисскую публику: «Вы хотите, чтобы мы еще пятнадцать лет не общались?», зал буквально взревел: нет! У людей стояли слезы в глазах.

Здесь, в Батуми, никто не заставляет наших участников общаться на русском языке, но все говорят по-русски. Режиссеры из Средней Азии и Прибалтики, Молдовы и Казахстана. Потому что есть киношкола! И есть огромное стремление познакомиться, общаться и вместе работать. Создали же мы в 2019 году за

неделю сорокаминутный альманах «Пограничное состояние», в котором приняли участие режиссеры из России, Казахстана, Латвии и Украины с привлечением актеров из Грузии, Беларуси и России!

Из четырех новелл, кстати, три были сняты на грузинском языке. Этому предшествовала большая работа наших режиссеров с сайтами грузинских театров, а потом и непосредственно с отобранными артистами. Это уникальный эксперимент, который при случае мы обязательно повторим.

Я надеюсь, что времена меняются. Государствам, увы, очень часто оказывается просто не до опыта народной дипломатии. России нужна новая концепция культурного развития, которая бы не отторгала Чингиза Айтматова или Василия Быкова, литовское или грузинское кино прошлых десятилетий как что-то чужеродное, а относилась бы ко всем этим богатствам как к общему достоянию. Как части российской культуры. Ведь без Грузии невозможно полноценно себе представить творчество очень многих наших мастеров – того же Андрея Битова или Беллы Ахмадулиной. Это типичная болезнь вчерашней метрополии. Оттого, что рухнула империя, проблемы никуда не девались, они остались. Ими нужно заниматься. И лечить – в том числе и культурой!



## «ЭФФЕКТ БАБОЧКИ» СО ЗНАКОМ ПЛЮС

■ Левон УЗУНЯН

Утром меня разбудил неожиданный звонок.

– Доброе утро! Это Дмитрий Пиркулов! Помните меня?

– Да, конечно, доброе утро, Дмитрий!

Дмитрий Пиркулов – тбилисец, в прошлом мой сосед, а сегодня – москвич, продюсер полнометражных фильмов, член жюри Московского конкурса детского и юношеского видеотворчества «СinetOn», продюсер музыкальных проектов в области классики и джаза, режиссер полнометражных документальных фильмов «Конкурс Чайковского. Взгляд изнутри» и «Мая Плисецкая», генеральный директор студии «Амкарт» и так далее, и еще... Личность абсолютно незаурядная!

– Слушаю Вас, Дмитрий, очень внимательно.

– Я сейчас в Чебоксарах занимаюсь организацией 14-ого Чебоксарского международного кинофестиваля. Как исполнительный директор я предло-

жил ввести вас в состав жюри фестиваля. Нужно только ваше согласие.

– Спасибо за доверие, но приехать не смогу – я на реабилитации после ковида.

– Не проблема, у вас будут видеоконференции с членами жюри.

– Замечательно! Спасибо, я, конечно, согласен.

– Великолепно, тогда вам вышлют приглашение и список двенадцати конкурсных фильмов, которые вам необходимо посмотреть и оценить по семи номинациям на награждение призами «Анне». Также будут специальные призы – «Приз жюри партнеров фестиваля» и «Приз зрительских симпатий».

– Дмитрий, а что значит «Анне»?

– Анне – это Мать-Покровительница Чувашии. Ее огромный монумент стоит в исторической части города Чебоксары. Наши призы – это маленькие статуэтки Анне, ко-

торые мы будем вручать победителям.

– Кто входит в состав жюри?  
– Вас будет пятеро. Председатель – режиссер Александр Прошкин. Члены жюри – режиссер, сценарист Мария Сергеевкова, киновед, профессор из Австралии Грег Долгополов, актер, режиссер, сценарист, продюсер Эдуард Радзюкевич.

– Замечательно! Жду фильмы!

И уже через час у меня на почте было приглашение и список 12 фильмов, участвующих в конкурсе игрового кино (уточню, что в рамках фестиваля проходил также конкурс регионального и этнического кино): «Земля Эльзы», Россия, режиссер Юлия Колесник; «Папье-Маше», Россия, режиссер Виталий Суслин; «Фарида», Россия, Азербайджан, режиссер Ксения Лагутина; «Пальмира», Россия, режиссер Иван Болотников; «Grand Канкан», Россия, режиссер Михаил Косырев-Нестеров; «Юмор», Индия, режиссер Джаяраджан Раджасекхаран Наир; «Мишень», Беларусь, режиссер Александра Бутор; «Сентенция», Россия, режиссер Дмитрий Рудаков; «Тело Христово», Польша, Франция, режиссер Ян Комаса; «На дальних рубежах», Россия, режиссер Максим Дашкин; «Пражская оргия», Чехия, режиссер Ирена



Павласкова; «Рыцари справедливости», Дания, режиссер Андерс Томас Йенсен.

Честно признаюсь, я не ожидал, что программа фестиваля будет настолько серьезной. Все фильмы очень хорошие, и выбрать самый лучший было невероятно сложно.

Пять насыщенных фестивальных дней пролетели очень быстро. Настало время подвести итоги, и я постараюсь рассказать о фильмах-победителях более подробно.

Итак, итоги конкурса игрового кино XIV Чебоксарского международного кинофестиваля-2021.

Диплом «Лучший фильм по мнению жюри партнеров фестиваля» присужден фильму «Пальмира». Не скажу, что мне фильм не понравился, сказать, что понравился тоже не могу, но равнодушным меня он не оставил. Фильм основан на реальных событиях. В горном селении Дагестана бывший военный врач ведет тихую жизнь вдовца. Узнав, что его единственная дочь была завербована террористами и сбежала в Сирию, он в отчаянии отправляется за ней. Ради спасения дочери отец готов на все. Он находит свою дочь, но она уже совершенно другая, как будто ее кто-то под-

менил, изменил ее сознание... Режиссер фильма не дает нам ответа, почему так происходит. Хотя разве есть ответ на этот вопрос?

Диплом «Приз зрительских симпатий» присужден фильму «Земля Эльзы». Этот фильм задел за живое. Он не может не волновать. В нем есть все: и тема, и чувства, и эмоции, и чудесный актерский ансамбль – Вениамин Смехов, Анна Уколова, Сергей Епишев и, конечно же, несравненная Ирина Печерникова. Да, та молодая учительница английского языка из «Доживем до понедельника» через почти пятьдесят лет предстала перед нами большой актрисой. К сожалению, это была ее последняя роль, актриса скончалась за день до своего юбилея.

В основу фильма положена популярная пьеса молодого современного драматурга Ярославы Пулинович «Земля Эльзы». Двое встретились и полюбили друг друга. Но все вокруг – родные и знакомые, объявили войну этой любви. Потому что нашим героям – за 70. Потому что она недавно овдовела, а он и вовсе чужак в поселке. Потому что, по мнению окружающих, их любовь неприлична, а вдовцов угрожает материаль-

ному благополучию их детей и внуков, ведь они отказываются «доживать» жизнь и жить по установленным кем-то правилам. Они не скрывают свою любовь! Они собираются пожениться, продать квартиру и дом и отправиться путешествовать! Они хотят найти свою землю – Землю Эльзы! Фильм заслуженно завоевал сердца и симпатии зрителей фестиваля.

Приз «Анне» за «Лучшее исполнение роли второго плана» получил фильм «Папье-маше» за лучший актерский ансамбль и за верность традициям неореализма в российском кино. Режиссер фильма Виталий Суслин буквально ворвался в современное российское кино десять лет назад, и за эти годы он не изменил ни своему режиссерскому почерку, ни своим экранным героям (которые очень плавно переходят из одного его фильма в другой) ни своей теме в кино. И здесь не надо искать параллелей и сравнений, потому что авторское кино Виталия Суслова – это только его абсолютно эксклюзивное кино.

История, показанная в фильме – это как бы продолжение рассказа о жизни простого пастуха Ивана Лашина, начатая в картине, снятой Суслиным в 2017 году, – «Голова. Два



Фестивальные призы

уха». Но здесь случилось чудо. Неожиданно для себя он стал призером «Кинотавра». Воспоминания о пальмах, море и магнолиях согревают, но события киноистории продолжают развиваться своим чередом. В его жизнь приходят коллекторы и требуют деньги. А денег нет. Есть только моченые арбузы в трехлитровых банках, но их никто не покупает. Знакомый участковый предлагает покровительство в обмен на сделку. И вот Ивана уже судят. Но стоит ли это беспокойств и серьезных размышлений? Ведь в клубе, куда захаживает Иван, работает милая девушка с бирюзовыми сережками...

Приз «Анне» «Лучшее исполнение главной женской роли» присужден Марьян Ибрагимовой, фильм «Фарида». Сюжет фильма прост и тривиален, но режиссер Ксения Лагутина (это ее дебют в большом кино) выбрала особую, интерактивную, почти документальную форму для повествования истории Фариды. И в этой сложной форме молодая актриса Марьян Ибрагимова сумела безукоризненно, с ювелирной точностью создать образ слабослышащей девушки из азербайджанской деревни, которая приезжает в поисках мужа в Петербург. На родине у нее остается маленький сын. Фарида устраивается работать на АЗС и в шаурмичную. Боль-

шой город сводит и разводит ее с разными людьми и переворачивает жизнь с ног на голову. Марьян Ибрагимова создала уникальный образ, который завораживает своей чистотой, наивностью и кротостью.

Приз «Анне» «Лучшее исполнение главной мужской роли» получил Александр Рязанцев, фильм «Сентенция». «Прошедший ГУЛАГ поэт и писатель Варлам Шаламов, автор «Колымских рассказов», тихо угасает в доме престарелых, но до последнего продолжает творить. Двое самых пылких последователей пытаются собрать его творчество воедино и расшифровать каждое слово», – в сухих строчках аннотации невозможно передать всю силу потрясения, которое остается после просмотра картины. Сентенция, от лат. *sententia*, – мысль, изречение, приговор. В этих трех постулатах заключено все творчество Варлама Шаламова. Его мысли, его изречения и приговор ему. Ему? А может, это его приговор тому времени, той морали, той идеологии? С экрана на нас смотрит очень знакомое лицо, только не можешь вспомнить фильмы, в которых мы видели эти глаза. И вдруг понимаешь, что это измученное лицо Варлама Шаламова, что это измученное лицо того времени, той страны, которую любили, гордились, ненавидели и презирали.

Приз «Анне» «Лучшая операторская работа» присужден Александру Шуркала за фильм «Пражская оргия». Место действия – тоталитарная Прага 1976 года. В фильме рассказывается о поездке известного американского писателя Натана Цуккермана. Он впервые отправляется в Прагу, чтобы вывезти из Чехословакии рукопись уникальных рассказов на языке идиш. Это почти детективная история снята с такой щепетильной точностью визуального ряда, что иногда кадры фильма спокойно могли бы конкурировать с чехословацкой хроникой семидесятих годов двадцатого столетия. Заслуженный приз оператору Александру Шуркала и, конечно же, художнику фильма Иржи Стернуолду, и художнику по костюмам, и всей команде, которая совершенно фантастическим образом воссоздала уникальную картину социалистической Праги.

Приз «Анне» «Лучший сценарий» получил Джаяраджан Раджасекхаран Наир за фильм «Юмор». Это картина о жизни ритуального агента, который настолько привык рассматривать смерть как источник заработка, что отчаянно ждет даже кончины своего отца, чтобы заработать деньги. Фильм оригинален и где-то даже забавен, хотя для нашего мироощущения – несколько кошунственен. И если слишком не углубляться в тему, то все происходящее на экране можно воспринимать только как юмор.

Приз «Анне» «Лучшая режиссура» присужден фильму «Рыцари справедливости». Эту картину надо посмотреть очень внимательно с самого начала и до самого конца. Где-то в Эстонии внучка просит у бабушки к Рождеству синий велосипед, а у продавца в наличии были только красные, но он пообещал, что к Рождеству будет и синий тоже. Продавец тут же кому-то звонит, и вот уже где-то в Дании на тихой улочке похищают синий велосипед. Этот неприятный эпизод вызывает в жизни военного Маркуса череду непредсказуемых событий. Жене Маркуса с дочкой приходится вместо велосипеда воспользоваться электропоездом. Но происходит катастрофа, в которой жена Маркуса трагически поги-



Кадр из фильма «Тело Христово»

бает. Это кажется нелепой случайностью. А если это тщательно спланированное убийство? Военный, сумасшедший математик и парочка гиков объединяются, чтобы выяснить, что же случилось на самом деле. Теперь они – рыцари справедливости. А дальше... А дальше надо очень внимательно досмотреть фильм до самого конца.

Этот сюжет мне напомнил фантастический рассказ Рэя Брэдбери «И грянул гром», где охотник-любитель за большие деньги отправляется на сафари в мезозойскую эру, и руководитель сафари (по-моему, Тревис) предупреждает: «Будьте осторожны! Раздавите ногой мышь – это будет равносильно землетрясению, которое исказит облик всей земли. Наступите на мышь – и вы сокрушите пирамиды. Не будет королевы Елизаветы, Соединенные Штаты вообще не появятся. Так что будьте осторожны». Незначительное влияние на систему может иметь большие и непредсказуемые последствия! «Эффект бабочки» – бабочка, взмахивающая крыльями в одном конце земли, может вызвать лавину эффектов в другом ее конце. Очень советую, посмотрите этот фильм.

И наконец – Гран-при «Анне» «Лучший фильм» присужден фильму «Тело Христово».

20-летний Даниэль, переживший в заключении духовное перерождение, мечтает посвятить себя служению богу, однако судимость этому препятствует. Воспользовавшись случаем, он выдает себя за выпускника семинарии и занимает место заболевшего пастора в приходе небольшого провинциального городка. Зачастую импровизируя и замещая недостаток знаний в литургии искренностью и неподдельной страстью, он невольно становится центром притяжения и умиротворения для местной паствы, расколотой и разобщенной вследствие недавней трагедии.

В этом фильме нет изъяна. Этот фильм абсолютно достоин Гран-при – и своим сюжетом, и режиссурой, и визуальным рядом, и, конечно же, актером. Бартош Беленя – достоин и практически недостижим.

Таковы итоги конкурса игрового кино XIV Чебоксарского международного кинофестиваля-2021. И хотя без призов остались еще три картины, это произошло не потому, что они неудачные или плохие, – просто конкурс есть конкурс, и решение строгого жюри было не в их пользу.

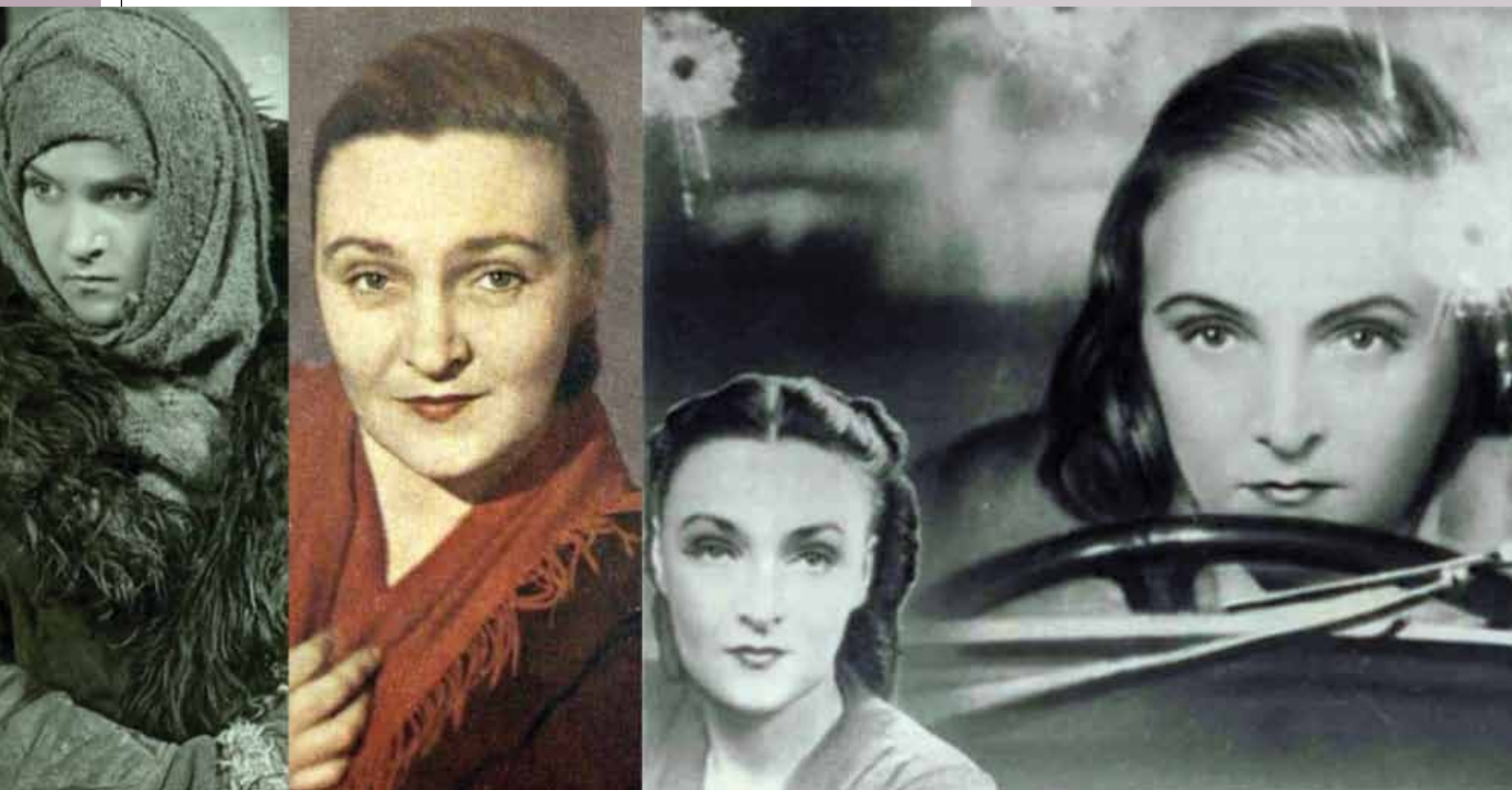
P.S.

Справедливости ради я все же эти фильмы назову.

«Grand Канкан». Фильм основан на реальных историях артистов московского театра оперетты. Участники происшедших событий согласились исполнить свои роли и сняться в фильме. Человеческие отношения, предательство и семейные узы – общий знаменатель историй, из которых состоит картина.

«Мишень». История о девочке, которая в детстве стала свидетелем убийства матери, причем на месте преступления с оружием в руках она застала собственного отца. История вроде бы детективная, но детектива в фильме нет, а есть напряженная психологическая драма.

«На дальних рубежах». Российская военная база, Кыргызстан. Мария, жена заместителя командира базы, хочет вырваться из этого тесного мира и с нетерпением ждет перевода мужа обратно в Россию. У нее завязываются отношения с сослуживцем мужа. Стремительное развитие их романа трагически и необратимо меняет жизнь Марии и ее семьи. Замечательный актерский дуэт: Виктория Толстогонова и Сергей Шнырев. И фильм снят оператором Андреем Найденовым просто идеально.



# Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

Сегодня школьные драмкружки канули в Лету. Нынешний старшеклассник, мечтающий о сцене, может найти себе первых преподавателей где угодно, но только не в родной школе. А ведь когда-то театральные студии и кружки в тех же стенах, где ребята «грызли гранит науки», были не просто популярны, но и открывали дорогу в большое искусство. Одна тифлисская девочка по имени Леля вообще ходила в школу лишь потому, что там был драмкружок. В котором она стала лучшей актрисой, и... начала путь к ролям в популярных фильмах, любви больших режиссеров, званию народной артистки России и трем Сталинским премиям первой степени. Все это пришло, когда ее знали уже как характерную актрису Елену Кузьмину. «Странно, — признавалась она, — я всегда была комедийной актрисой, а роли играла драматические...

Правда, трагедия и комедия бытуют рядом...»

Инженер Александр Кузьмин — отличный специалист по геологическим изысканиям в местах, где планируется проложить железные дороги. И поэтому колесил с супругой по городам и весям Российской империи. Кое-где задерживается, но всегда возвращается в Тифлис. Оттуда родом его жена-грузинка, там живет ее мать. В этом городе в 1909-м и появляется на свет Леночка, Леля, единственная дочь Кузьминых.

Потом семейству некоторое время приходится прожить в Ташкенте. Там и поступает девочка в женскую гимназию. Но в 1917-м начинается революционная круговерть, и родители забирают дочку на домашнее обучение, от греха подальше. После установления советской власти Леночка возвращается в гимназию, но в начале 1920-х — переезд в родной Тифлис.

Умами тогдашней молодежи

владеет стремительно развивающийся кинематограф. Леля не только успеваает на показы и вместе с ровесницами коллекционирует открытки с портретами зарубежных киноактрис. Она представляет себя рядом с этими красавицами, на экране. А пока блистает на театральной сцене, правда, на школьной. И в 42-ю тифлисскую трудовую школу ходит только из-за того, что там — известный на весь город драматический кружок. И в этом кружке она, что называется, прима.

Как-то на премьере тургеневского «Дворянского гнезда» в драмкружке появляется не кто иной, как сам народный комиссар просвещения СССР Анатолий Луначарский, прибывший в Тифлис с молодой женой, актрисой Натальей Розенель. И юная Кузьмина в роли Лизы так нравится им, что оба наперебой советуют ей сразу после школы поступать в театральный институт. Воодушевленная этим Леля



Е. Кузьмина в 1920-х годах

объявляет дома, что у нее обнаружен большой талант, и она собирается уже в ближайшее время стать актрисой.

Мудрая любимая бабушка дает на это такой ответ: если талант и есть, то лучше держать его при себе, чтобы не осложнять жизнь другим. Однако жизнь семьи осложняется и без нее. Родители разводятся, мать сломлена, и бабушка принимает соломоново решение: отправить бойкую, дерзкую девочку подальше от всех этих страстей. А именно – в Москву, к любимой родственнице тете Тоне. Среди небольшого багажа – и парадное платье из плотной, с ломкими складками тафты – так, на всякий случай.

В столице Леля и получает аттестат зрелости. Причем в 15 лет. А теперь – слово ей самой: «Сидела я однажды у окна и обдумывала свою дальнейшую судьбу. Школу я окончила, а лет мне все равно мало. Никуда меня не возьмут – ни учиться, ни работать. Да я и не хочу. К моему желанию быть киноактрисой родственники относились как к блажи. Друзья у них были тоже педагоги и тоже держались того же мнения. Одна предложила идти в цирк, если уж я так хочу быть артисткой. В цирке берут малолетних. В цирк я не собиралась».

И Леля принимает оригинальное решение: начинает внимательно изучать телефонную книгу. В ней в то время рядом с каждым абонентом пи-

сали его профессию. На букве Т обнаруживается Тиссэ, кинооператор («Что такое оператор, я не очень понимала, главное было – кино»). Звонок без всяких колебаний, трубку снимает Эдуард Тиссэ. Ему еще только предстоит снять «Броненосца Потемкина», «Александра Невского», «Ивана Грозного», «Встречу на Эльбе», другие знаменитые ленты и стать трехкратным лауреатом Сталинских премий I степени. И происходит знаменательный разговор:

«Это кинооператор Тиссэ? Здравствуйте. Это вы служите в кино? – Служу?! Гм... Ну, я ... – Простите за беспокойство. Я хочу стать киноартисткой. – Похвально. Чем могу помочь? – Сколько надо иметь лет, чтобы сниматься в кино? – Сниматься? От первого дня рождения до ста. Можно и дальше. А сколько вам? Великолепный возраст. Какое амплуа вас волнует? Мэри Пикфорд? Пола Негри? – Никакого амплуа мне не надо. Я просто так хочу. – Тоже неплохо. Пойдите в ГИК. Посмотрите программу. Может, это вам подойдет?»

На следующий день по адресу, полученному у Тиссэ, соискательница актерской карьеры приходит в Государственный институт кинематографии (ГИК). Но выясняется, что там в экзаменационной программе есть предметы, о которых она и слыхом не слыхивала. Поэтому Тиссэ извещается, что ГИК ей не подходит: «Ну... ну, я хочу быть артисткой, а не заниматься как в школе. Школу я уже один раз кончила, и у меня даже есть аттестат зрелости».

Почему после этих слов оператор «очень веселился», Леля так и не поняла, но дельный совет она все-таки получила: отправиться в Ленинград, где осенью будет набор в мастерскую ФЭКС. «Сказал, что это очень эксцентричная мастерская, которая, судя по всему, должна мне подойти. Продолжая смеяться, пожелал мне счастья и на прощание сказал: Как это говорится... «без труда не вытащишь и рыбку из пруда» – так кажется? Учиться все равно надо...».

Аббревиатура ФЭКС расшифровывается как «Фабрика

эксцентрического актера» или «Фабрика эксцентрики». Организуют ее арендовавшие полуразрушенный особнячок молодые режиссеры – 20-летний Григорий Козинцев и 23-летний Леонид Трауберг. Оба – будущие классики советского кинематографа. На отборочные туры приглашаются все, желающие стать актерами. И с 1921 по 1926 годы эту театральную и киномастерскую окончили совсем молодые Сергей Герасимов, Олег Жаков, Янина Жеймо, Алексей Каплер...

Леночке нравятся и название этого творческого объединения, и его девиз «Лучше быть молодым щенком, чем старой райской птицей», взятый у Марка Твена. «Такая мастерская в то время никого не удивляла, – вспоминала он. – Всякие тогда были мастерские: театральные, балетные, кинематографические, они сколачивались за счет самих учащихся и их учителей. Никаких традиций, никакой школы не было. Все и вся начинали заново. Бродили в поисках чего-то нового, советского, отличного от всего, что было до сих пор. Вот в такую мастерскую я и отправилась подавать заявление». Провожает ее подросшая из Тифлиса мама. А дальнейшее напоминает кадры из комедии.

Кадр первый – внешний вид героини. Царапающее шею платье из привезенной «на всякий случай» тафты. На высокой прическе – шляпа. Из опасения, что тяжелые волосы могут рас-

А. Луначарский и Н. Розенель





сыпаться по плечам, голова закинута назад, и задранный нос делает лицо высокомерным. Мамины лакированные туфли нещадно жмут. Правда, в сумочке – тапочки, но они настолько изношенные, что надевать их Леля решает только после экзамена. А пальцы рук с ярко накрашенными ногтями изрезаны неумелой маникюршей...

«Меня немного смущало, что на меня оглядывались и шептались... Я подумала: «Не может быть, что я им всем так нравлюсь. Ужасно, что мама всегда права! Они смотрят на меня, как на ряженую... Захотелось сдернуть с себя эту дурацкую шляпу и снять туфли. Но в это время подошла моя очередь, и я отправилась к столу, стараясь держаться независимо и с достоинством».

Кадр второй – «изысканная» атмосфера ФЭКСа. «Экзаменующиеся, пройдя фанерный закуток, попадали в комнату, каких мне еще не приходилось видеть. В ней было метров сто, если не больше. Очевидно, когда-то это была столовая. Колоссальные окна, громадный камин, украшенный выточеными из дерева оленями, виноградом, утками, висящими вверх ногами, и еще чем-то съестным. Стены были обиты дорогим деревом. Через толстый слой опилок кое-где проглядывал удивительной красоты грязный пол. В углу грудой лежали цирковые маты и тяжелый свернутый ковер. На стене висело написанное от руки объявление с просьбой по возможности являться на экзамен в спортивных костюмах».

Кадр третий – явление перед

экзаменаторами. Леля не успевает узнать, что требуется, кроме спортивного костюма – ее приглашают на экзамен. «Вдруг показалось, что в этом большом помещении стало не хватать воздуха... Экзаменационный зал был еще больше, чем первый. Он был облицован белым мрамором, блистал великолепным рисунчатым полом. В нишах вдоль стен стояли мраморные белые фигуры. Они отражались в таком же количестве зеркал, десятки раз повторяя себя. Я долго ковыляла в своих несчастных туфлях. Наконец дошла до старого, колченогого стола, стоявшего под белой мраморной дамой, державшей в руках венок из мраморных роз».

Кадр четвертый – стол экзаменаторов. «За столом сидело и стояло человек десять-двенадцать мужчин. От волнения я видела только смутные формы лиц: круглые, длинные, продолговатые. Ни одного отдельного лица разобрать я не могла. Половина экзаменаторов щелкало семечки. От страха у меня закружилась голова, и все они превратились в один улыбающийся жующий рот. Груда шелухи на столе, попавшаяся на глаза, привела меня в сознание, и я начала успокаиваться. – Садитесь!..»

Кадр пятый – начало экзамена. «Я села в кресло и осторожно постаралась найти ногам удобное положение. – Ничего, не стесняйтесь. Жмут?.. Снимите совсем... – Что это вы? Они мне как раз...» На вопрос

о возрасте она, краснея, zvyšшает года: «Семнадцать с половиной». Ей отвечают: «Хорошо, примем на веру» И задают обязательный вопрос: «Почему вы решили стать киноактрисой?». Ответ – самый искренний: «Просто так. Хочу – и все. Вы не смейтесь. Вы же стали киноартистами». Но все уже хочут. «Я не знала, что мне делать. Может быть, уйти?»

Кадр шестой – продолжение веселого экзамена. «Вы не обращайтесь внимания на веселье. У нас народ смешливый. Артисты!.. Ну, так что вас прельстило в кино? – Не знаю... Наверное, то, что я смогу сама на себя смотреть – Хорошо. Попробуйте показать какой-нибудь этюд. – Чего? – Представьте, вы вошли в темную комнату, и вам кажется, что вас в каждом углу кто-то подкарауливает. Как бы вы это сыграли? – Откуда я знаю, как? Если бы я умела, я бы не пришла учиться».

Кадр седьмой – расставание с экзаменаторами. Леле заявляют: «Значит, не хотите нас ничем порадовать? Ну, ладно. Посмотрим. Идите! Все-го хорошего». А она смотрит... себе на нос: «Мы в школе всегда узнавали, какой у нас цвет лица, посмотрев обоими глазами на свой нос. Оказалось, что он красный, и я огорчилась. Раздался смех. Я смутилась, но решила не принимать это на свой счет. Сунув заявление на стол, я попрощалась и медленно вышла... Как я прошла обратно эту колоссальную комнату, – не знаю».

Г. Козинцев и Л. Труаберг







Сергей Герасимов в молодости

Кадр восьмой – после экзамена. По дороге к выходу из здания она слышит: «Здорово вы их побрили!». И спешит наружу. «Как только закрылась за мной дверь, туфли были скинуты и заменены тапочками. Стало легко, и я запрыгала по камням. Сзади опять раздался смех и послышались какие-то остроты. Уголком глаза я увидела тех же молодых людей... они с интересом разглядывали меня». Казалось бы, рассчитывать ей не на что. Ан, нет – после всей этой веселухи, Леля становится самой молодой ученицей самой экстравагантной студии.

Атмосфера там дружеская и творческая. Занятия интенсивные и очень серьезные. Киножест (так в эпоху немого кино называлось актерское мастерство), пластическая выразительность, этюды, история кино, спортивная подготовка (акробатика, фехтование, бокс), танцы... Козинцев и Трауберг решают, что отчаянную и своенравную Кузьмину достаточно обучить технике, а с ее тонким актерским чутьем и творческой энергией она сама дойдет до тонкостей мастерства.

Но поначалу ее дела идут неважно. Она стеснительна, зажата, чувствует себя неуклюжей. В письмах возвратившейся в Тифлис маме пишет, что все отлично, а сама уже решает, что пойдет работать вагоновожатой трамвая, когда ее выгонят из студии. И тут наступает переломный момент. Когда Козинцев, недовольный всеми этюдами, показанными учениками,

вызывает Лелю.

Она изображает девчонку-шарманщицу, поющую по дворам. Крутит ручку шарманки, улыбается жителям верхних этажей, разворачивает бумажки с брошенными ей деньгами. И, пересчитав, делает то благодарственные, то презрительные жесты. Потом, поскандалив с дворником, победоносно удаляется, покачивая бедрами. И все это – без единого звука... Козинцев в восторге, она плачет от счастья – уж теперь-то у нее все будет получаться!

А этюд этот из студии перекочевывает на экран. Козинцев и Трауберг вставляют его в фильм «Братишка», и Леля видит его в Анапе, куда на каникулах приезжает с мамой лечить слабые легкие. Посмотрев картину раз сто, мама упрощает кинемеханика дать ей кусочек пленки: «А то знакомые не верят, что моя дочка – киноартистка!». Пленка разрезается на кадры, которые раздаются родне и друзьям. Но в Анапе эпизод с Лелей уже не увидеть – он оказывается вырезанным целиком.

Потом – еще один выход на широкую публику, с Сергеем Герасимовым, в которого она тайно и безответно влюблена. Тогда все помешаны на чарльстоне и фэксовцы Кузьмина, Герасимов, Павел Соболевский разучивают этот танец до совершенства. В ночных клубах Леля в клетчатой юбке, высоких шнурованных ботинках, с длинной косой и два ее партнера вызывают восхищение собравшихся. А хозяева заведений наперебой

предлагают ангажемент. Но молодых людей интересует только кино!

И в 1929 году у Кузьминой появляется первая большая роль – юной коммунарки Луизы в картине о последних днях Парижской коммуны «Новый Вавилон», поставленной ее учителями. Успех огромный, фильм показывают и за рубежом, а яркий талант исполнительницы главной роли признается всеми, сам Сергей Эйзенштейн присылает из Москвы в ФЭКС телеграмму: «Поздравляю рождением новой актрисы».

После этой картины Ленинградский институт сценических искусств приглашает Козинцева и Трауберга руководить киноотделением. Вместе с ними туда переходит вся студия, и именно там, в 1930-м, 21-летняя Кузьмина получает диплом о высшем образовании. Наставники дают ей главную роль в своей новой картине «Одна». Прочитав сценарий, Леля поражена: главную героиню зовут... Елена Александровна Кузьмина, ей 20 лет.

Трауберг объясняет: «Если бы вас случайно не понесло в кинематограф, вы могли бы очутиться на месте этой мужественной девушки. Мы себе представляем ее именно такой, как вы. Вот и дали ей ваше имя». Героиня – молодая городская учительница, посланная ликвидировать неграмотность в глухом алтайском селении и чуть не погибшая в противостоя-

Кадр из фильма «Новый Вавилон»





Е. Кузьмина, Н. Крючков и Л. Свердлин в фильме «У самого синего моря»



Борис Барнет

яни местному баю.

Леле предлагают просто играть саму себя, съемки на Алтае идут успешно, но... Но тут в кинематограф приходит звук. И прямо в процессе работы над фильмом его приказано озвучить. Кузьмину это приводит в ужас: «Я ведь так натренировала себя, что стала абсолютно немой. И даже двигалась бесшумно, даже кричала и смеялась на съемке беззвучно... Пять лет я отдавала все силы тому, чтобы научиться молчать!

Сколько же лет нужно теперь, чтобы научиться говорить?!»

В конце концов, эти трудности она преодолевает. И когда в 1931 году одна из первых советских звуковых картин выходит на экраны, критика всю хвалит Лелю. Особо подчеркивается: при минимальном тексте она демонстрирует максимум пластической выразительности. А сама она еще долго боится больших, «говорящих» ролей. И даже в ставших популярными фильмах «Окраина», «У самого синего моря», «Тринадцать», «Всадники» играет немногословные роли. Уже прямо на съемках ей приходится проходить «новый курс» киношколы – технику выразительной речи,

Сняться в следующем фильме «Окраина» ее приглашает режиссер Борис Барнет. Писанный красавец с массой поклонниц. Снявший комедии «Девушка с коробкой», «Дом на Трубной», историческую ленту «Москва в Октябре», он – будущий автор знаменитого «Подвига разведчика». Вместо того, чтобы бросать на него томные взоры, к которым так привык Барнет, она начинает требовать, чтобы он расширил

ее роль, придав ей немного эксцентрики. Режиссер не только выполняет это, но и уговаривает непохожую на других актрису выйти за него замуж.

«Не подумав, стала женой Барнета, – вспоминала она потом. – Это была одна из самых страшных ошибок в моей жизни. Барнет был годе на что

Михаил Ромм



удовно, только не для семейной жизни. Хотя он обаятелен и мужествен, но от него надо было бежать, накрывшись непробиваемой покрывалкой. Никто меня не остановил. Решила все



М. Ромм, Е. Кузьмина и Ф. Раневская на съемках фильма «Мечта»

сама. Ни о чем не думая». Муж страшно ревнив, запрещает Леле сниматься в кино.

Козинцев и Трауберг специально под нее пишут интереснейшую роль в знаменитой трилогии про Максима, она отказывается и от этого. От обиды ее друзья-учителя вообще сводят эту роль к минимуму и отдают другой актрисе. А затем Кузьмина вынуждена отклонить еще нескольких интересных предложений.

Барнет же убеждает ее, что женился на... неудачнице: «Ты не сможешь... Роль не для тебя... С чего ты вообще взяла, что у тебя есть талант, что ты актриса?... Ты ни на что не годишься... Сиди дома, воспитывай ребенка». И даже: «Ты мне испортила жизнь!» Леля снимается всего в одной его картине - «У самого синего моря», когда у них уже растет дочь Наташа. О такой ли жизни мечтала независимая, дерзкая Леля?

Доходит до того, что однажды Барнет заявляет: он будет встречать Новый год без нее. Что ж, она тоже в одиночку отправляется в Дом кино. И там встречается молодого режиссера Михаила Ромма, прославившегося первым же своим фильмом «Пышка». Это шапочное, ни к чему не обязывающее, знакомство. Но вскоре – приглашение

с «Мосфильма»: роль жены командира пограничной заставы, отбивающейся в Каракумах от басмачей. Ромм снимает картину «Тринадцать».

Барнет твердит, что ей придется бросить ребенка, пугает раскаленными песками, прямо заявляет: «Ромм еще молод, ему нужны хорошие, опытные актеры для звукового кино. А ты что из себя представляешь? Позвони и откажись!» И она, уступив напору, отказывается. Но Ромм настаивает, и тогда ему звонит Барнет: «Кузьмина неопытна, Вам нужна другая актриса!». А Ромм берет вторым режиссером фильма подружку Лели, они почти силком привозят Кузьмину на студию и договор оказывается подписанным.

В общем, Леля уезжает в Каракумы, а супруг ее сгорает от ревности. Он и предположить не может, что Леля получила роль из-за своего таланта. Он убежден, что на съемках у нее пошлый роман. И в итоге самолетом отправляется в пустыню, прихватив чемодан, битком набитый... бутылками со спиртным. Этот стратегический запас ревнивец использует, чтобы добыть у членов съемочной группы сведения о «шашнях» жены.

Когда таковых не обнаруживается, бывший боксер Барнет отправляется на решающий

разговор к Ромму. Содержимое чемодана уже израсходовано, и для решимости выпивается солидная порция одеколona «Сирень». Узнав о предстоящем визите, Ромм, которому втайне нравится Кузьмина, тоже «поддает» для храбрости. Как честный человек, используя не государственный спирт для про-





Е. Кузьмина и И. Смоктуновский в фильме «Как он лгал ее мужу»

тирания аппаратуры, а личные запасы одеколona «Магнолия». И вот, сжав кулаки, они стоят друг перед другом.

Диалог начинает Барнет, унюхавший запах одеколona. «Магнолию» пили? – Да, а Вы? – «Сирень». А больше одеколona у вас нет? – Увы, нет. – Жаль...» Столь содержательная беседа завершается светским вопросом Барнета: «Ну как дела?» – «Потихоньку снимаем». – «Жарко уж очень». – «Очень...». – «Ну, так я пойду». И оба... хохочут. Киногруппа, на всякий случай уже собранная Лелей у режиссерского домика, облегченно вздыхает, видя благоухающих одеколonaми мэтров без синяков. Перед отъездом Барнет заявляет Леле: «Хороший мужик Ромм... Но смотри!».

Она и посмотрела на Ромма, обнаружив, что и он как-то по-особенному смотрит на нее... Через некоторое время – развод, свадьба с Роммом, который удочеряет Наташу, и Кузьмина становится одной из популярнейших актрис Страны Советов. Всего она снялась в 22-х фильмах. Но лучшие свои роли сыграла у Ромма: «Русский вопрос», «Мечта», «Человек №217», «Секретная миссия», «Корабли штурмуют бастионы».

Одну из этих картин она защищает, обратившись к самому Сталину. Примечательно, что в своем послании вождю, актриса смеет указывать, какие фильмы ему следует смотреть и не боится утверждать, что в советском кинематографе без его мнения ничего не решается. Прочтем отрывки из этого послания:

«...Жизнь моя стала невыносима... все зависит от Вас одного лично. Я киноактриса, работаю в кино 18 лет... Вы, вероятно, не видели ни одной моей картины. А говорят, что я одна из лучших актрис советской кинематографии. Вот и сейчас: режиссер Ромм пять месяцев назад закончил картину «Человек №217», в которой я играю основную роль. Картина в кругах искусства наделала много шума... Но все это ни к чему: пять месяцев картину, такую нужную, не выпускают на экран. И все это оттого, что Вы, Иосиф Виссарионович, ее не посмотрели. Я могла бы думать, что у Вас нет времени, но пока картина лежит, Вы посмотрели уже восемь или девять картин, самых разных, сделанных позже нашей, вовсе не таких хороших, вовсе не таких нужных. Так говорят все... Иосиф Виссарионович, умоляю, посмотрите картину и скажите свое слово! Оно так необходи-

мо!»

И это дерзкое письмо возымело значение – режиссер, оператор, и исполнительница главной роли получают Сталинскую премию. А потом прошедший и за границей «Человек №217» удостоивается Большой Международной премии Ассоциации авторов фильмов за лучшую режиссуру на Первом Международном Каннском кинофестивале в 1946 году. Да, Кузьмина рисковала карьерой, поучая Сталина, что ему делать. Но кроме этого, и сама работа ставила ее в откровенно смертельные ситуации, испытывая и огнем, и водой.

В Одессе, где снимался «Новый Вавилон», она чуть не сгорает на облитой бензином баррикаде, в руках у нее пылает материя. А при «расстреле коммунаров» она падает прямо на замаскированные в земле кабели осветительной аппаратуры, и ее отбрасывает на метр. На съемках фильма «Одна» лютой алтайской весной Леля попадает в незамерзающий ручей, и вся покрывается льдом, обмороженные руки и ноги дают о себе знать еще многие годы. В картине «У самого синего моря» рвется трос, привязанный к спасательному кругу, на котором ее в шторм тянут по волнам, и когда спасенную ак-



Елена Кузьмина и Михаил Ромм

трису откачивают, она клянется больше в море не заходить. А о том, что было на съемках «Секретной миссии», где Кузьмина играет разведчицу-предтечу Штирлица, она расскажет сама:

«Сидя за рулем машины, Маша спасается от погони. Автомобиль эсэсовцев все ближе и ближе. Они стреляют почти в упор. Следы пуль образуют четкий контур в смотровом стекле... Для меня была построена специальная кабина. Я сидела за рулем, слева от меня устроились операторы. А под правой рукой, почти вплотную к «беглянке» расположился стрелок... Меня предупреждают: «Не шевелись!» Отклонишься влево, выйдешь из кадра, вправо – не миновать тебе пули. Правда, заряды холостые, однако вполне было можно остаться без уха! Но как же сыграть все это, не шелохнувшись?!.. Группа охраны труда предусмотрительно покинула площадку. Я вздрагивала от каждого выстрела, а пули, пролетая мимо, задевали мои волосы. Было сделано шесть дублей...»

В фильмах любимого человека она снимается до 1953-го – тогда запрещают съемки режиссерам своих жен. И Ромм, сняв без супруги «Убийство на улице Данте», перестает снимать, хотя фильм этот – успешный. Он пре-

фашизм». Он умирает в 1971-м, во время работы над фильмом «Мир сегодня», на руках у жены. И жизнь для Елены Александровны останавливается. Фаина Раневская говорит: «Когда был жив Ромм, вы жили в нем. Когда он ушел, он стал жить в вас». Кузьмина долго ни с кем не общается, лишь в 1970-х годах, после двух маленьких ролей, играет в одной большой ленте «Беда» ученицы ее мужа Динары Асановой

Очаровательная, талантливейшая актриса, которую вели по жизни гордость и унаследованный от матери грузинский темперамент, скончалась в 1979 году. Представить без нее становление советского кинематографа невозможно. Незадолго до ухода она выпускает книгу новелл-воспоминаний. Которая начинается так: «И чего



Могила супругов на Новодевичьем кладбище

подает. А Кузьмина снимается у других режиссеров, работает в Театре-студии киноактера и с молодым ленинградским актером создает концертный номер – фрагмент из пьесы Бернарда Шоу «Как он лгал ее мужу». Это имеет такой успех, что из номера делают фильм, и так на экране дебютирует Иннокентий Смоктуновский.

Ромм возвращается в кино в 1963-м, сняв за три года два шедевра – «Девять дней одного года» и «Обыкновенный

только в моей жизни не было. Были у меня «фэкссы». Была у меня интересная работа. Был успех. Были и неприятности. Был у меня Ромм. Все было у меня. А остались только дочь и ее семья. Еще солнце, дождь, снег и дыхание. И осталась вся моя страна. Это не так мало».

Упокоение на Новодевичьем кладбище она нашла, конечно же, рядом с мужем.



## IN VINO VERITAS

■ **Кетеван МГЕБРИШВИЛИ**

«Бог... наделил грузинских любителей выпить кахетинским вином, т. е. таким, которое не опьяняет или, лучше сказать, во избежание недоразумения, не ударяет в голову. Поэтому грузины сочли для себя унижением, что могут пить и совершенно не пьянеть. Они изобрели емкость, которая пьянит их невольно или, лучше сказать, опьяняет даже помимо вина. Это глиняный сосуд, называемый кулюю. Кула есть не что иное, как бутылка с широким тазом и длинным горлышком. Одновременно она захватывает нос и рот, так что во время питья не пропадает ни капли не только вина, но и его газа. Из этого следует, что в то время, как вино льется в желудок, газ дурманит мозг. Кроме кулы, грузинские поклонники алкоголя употребляют множество других емкостей самых фантастических форм. Тыквы с длинными стволами. Суповые ложки, на дне которых не знаю для чего изображена позолочен-

ная голова оленя, рога которого подвижны: они называются кваби. Широкие чаши, похожие на суповые миски. Рога, оправленные в серебро, длинные как труба Роланда. Самая маленькая из этих емкостей может вместить бутылку, которую всегда требуют выпивать в один прием, не переводя дыхания. Помимо этого гость или иностранец всегда может есть по своему желанию, но никогда не может пить, как ему захочется.

Тот, кто провозглашает тост в честь гостя, уже заранее определяет потребность и способность его желудка. Если тост был провозглашен с полной кулой, тыквой, кваби, чашей или с полным рогом, то принимающий его должен опорожнить до последней капли соответствующую чашу, какая бы она ни была. Произносящий тост говорит таинственные слова:

– Аллах верды!

Принимающий его отвечает:

– Яхши йол.

После этого вызова надобно пить или издохнуть». Этот отрывок из книги Александра Дюма «Кавказ» процитировала президент Гастрономической ассоциации Грузии, исследователь гастрономической культуры Далила Цатава, рассказывая о деятельности грузинских сомелье (чашнагиров) и торговле вином в тифлиских винных духанах в рамках проекта «Гастрономический гид» компании «Боржоми».

Виноделие и виноградарство с незапамятных времен было одним из основных занятий грузинского народа, специалисты международного уровня признали Грузию родиной вина. В декабре 2013 года ЮНЕСКО присвоила статус памятника нематериального культурного наследия старейшему грузинскому традиционному методу изготовления вина в квеври. По словам Цатава, вино занимает важнейшее место в грузинской гастрономической культуре, – «для жителя нашей страны трапеза ассоциируется с этим напитком, а сам виноград настолько слился с отечественной культурой, что на барельефах практически всех храмов



Квеври

есть орнамент с изображением лозы», – отметила Цатава.

Труды известного географа и картографа Вахушти Багратиони, исследования Иване Джавахишвили и записи французского путешественника Жана Шардена доказывают, что культура тостов существовала в Грузии на протяжении веков. Наглядным примером этого служит находящаяся в Старом городе скульптура мужчины с рогом в руках, которую в народе именуют «тамадой», это копия бронзовой статуэтки, датированной VII-VI в.в. до н.э., найденной во время археологических раскопок в Вани.

### Пьянеть стыдно!

В античных источниках приведено множество сведений о традициях виноделия в Иберии. В трудах древнегреческого историка и писателя Ксенофонта, который жил в V-IV в.в. до н.э., описаны мосиники (народ, населявший территорию Восточного Понта), которые считаются предками мегрелов и чанов. Ксенофонт характеризовал их как отважных людей, которые в больших количествах производили и употребляли «очень приятное вино». Помимо этого, в «Одиссее» Гомер посвятил одну оду пребыванию Одиссея во дворце царя Айэта, где

«гостям подали превосходное вино». Древнегреческий поэт и ученый Аполлоний Родосский, творивший в III веке до н.э., создал эпическую поэму «Аргонатика», посвященную путешествию аргонавтов в Колхиду, в ней автор отметил – «во дворце Айэта превосходное вино и удивительно то, что колхи пьют его в неразбавленном виде», известно, что в те времена греки пили разбавленное водой вино.

Примечательно, что в Грузии в старину считалось крайне позорным пьянеть от вина. Жан Шарден, Александр Дюма и русские писатели отмечали: несмотря на то, что грузины пьют неразбавленное вино, они не пьянеют. Итальянские миссионеры Арканджело Ламберти и Кристофоро де Кастелли, посетившие страну в XVII веке, на протяжении долгих лет жили в Грузии, и в своих трудах оставили множество ценных сведений о социально-политической обстановке и бытовой культуре народа. Кастелли создал огромный альбом рисунков, которые сопровождал подробными описаниями. Один из рисунков подписан следующим образом – «как мегрелы забили для нас кабана, приготовили гоми, и было выпито очень много вина. Но пьянеть считается большим позором и я там не видел человека, шатаю-

щегося и потерявшего разум от хмеля».

### Аллах верды, господин Дюма!

Неизвестно сколько раз за время пребывания в Грузии Александру Дюма приходилось отвечать «яхши йол», но то, что дорогого гостя принимали «как надо», видно из его записей. Чего стоит рассказ о пиршестве у редактора журнала «Цискари» Ивана Кереселидзе. «Судите сами, каким испытанием угрожал мне грузинский обед, – мне, пьющему только воду. Несмотря на это, я отважился и прибыл в назначенный час. Чтобы оказать мне честь, пригласили двух знаменитых любителей кутежей – князя Николая Чавчавадзе и поляка Жозефа Пенерепского. Нашего хозяина звали Иваном Кереселидзе, за столом собралось около двадцати человек. Меня поразил огромный кувшин, образчик кувшина сорока разбойников Али-Бабы, он содержал от семидесяти до ста бутылок. И его надо было опорожнить! На полу был разостлан большой ковер, на скатерти поставлены тарелки с вилками и ножами. Меня усадили на почетном месте во главе стола, напротив поместился хозяин дома. Человек, не пьющий вино, в момент соревно-

### Сираджи





**Телавские сираджи**

вания имеет большую выгоду перед тем, кто постоянно пьет. У последнего в глубинах мозга непременно остается опьянение от предыдущего дня, и к нему присоединяется новое опьянение. Между тем как тот, кто пьет только воду, выходит на бой с твердой и здоровой головой... Сколько бутылок я опустошил не могу сказать, но, думается, что цифра была почтенная, ибо по окончании обеда возник вопрос о выдаче мне свидетельства, подтверждающего мои физические способности. Хозяин дома написал: «Г-н Александр Дюма посетил нашу скромную редакцию, где на данном в его честь обеде выпил вина больше, чем грузины. 1858, 28 ноября (старого стиля). Иван Кереселидзе. Редактор грузинского журнала «Цискари». Учтивость, с которой они мне выдали свидетельство, вероятно, есть следствие их снисходительности и доброты», – отметил Дюма. С его путешествием по Грузии связан еще один любопытный факт: в поездке его сопровождение было поручено полковнику Ивану Квинитадзе – отцу национального героя Грузии, генерала Георгия Квинитадзе. В своем дневнике генерал написал, что эту историю не знают даже многие из его близких людей. «Сегодня я взял в руки книгу Дюма «Кавказ». В процессе чтения перед глазами предстал наш тогдашний быт, социальная и политическая обстановка, Кавказ

и Тифлис тех времен... С какой теплотой, любовью, восхищением и удивлением французский писатель описывает Грузию и грузин», – подчеркнул Георгий Квинитадзе.

#### **Сираджи и сирачханы**

Что касается торговли вином в Тифлисе, наиболее достоверные факты об этом известны нам из источников, датированных XVII-XVIII веками. На Татарском базаре, где было сосредоточено множество людей, в начале XVIII века продавалось 350 пудов вина в год, это очень большое количество. Причем продавались не только кахетинские вина, напитки привозили и из Западной Грузии, в столице также пользовалось популярностью немецкое вино Шала, производимое на территории нынешнего села Асурети Тетрицкаройского района. Интересна история происхождения данного вина. Швабов переселили на эти земли в 1817 году, в период правления генерала Алексея Ермолова. Всего здесь поселилось тысяча четыреста семей, в общей сложности до семи тысяч человек. К концу 1819 года в Грузии существовало восемь немецких колоний. Один из жителей по имени Шали «одомашнил» местный дикий виноград, стал производить из него черное вино, которое назвали в его честь «Шала». Во многих исторических источниках по гастрономической культуре Тиф-

лиса упоминается вино Шала, оно стоило дешевле кахетинского, и его было очень приятно пить (примечательно, что это вино производят в Асурети до сих пор, по тому самому методу немца Шали).

В Тифлисе не существовал отдельный винный рынок. В период XVII-XVIII веков в столице появились сирачханы (винные духаны), первая из них была открыта в районе Кала. А первые ряды сирачхан появились на столь характерном для Старого города извилистом подъеме, который позднее назвали Винным, и где Давид Сараджишвили открыл свои знаменитые погреба.

Одно из зданий, где функционировала сирачхана, сохранилось до наших дней. Оно было построено в 1888 году и принадлежало армянскому купцу. Сегодня в этом доме расположен ресторан и гостиница «Винотель». Подвал восстановлен, по возможности сохранены детали старого погреба.

Название «сирачхана» происходит от персидского слова «сирадж», означающего «торговец вином». Сирадж был не только продавцом вина, но и дегустатором, экспертом, устанавливающим цену на товар. Гильдией винных торговцев

**«Тамада» из раскопок в Вани. Бронза. VII в. до н.э.**





Тифлиса руководил сираджбаши. У сираджей были помощники, «заместители» – пишкары, выполнявшие функции ассистента, в частности, они отвечали за доставку вина из регионов в Тифлис, также в их обязанности входил контроль за качеством продаваемой в столице продукции. Пишкар был своего рода подмастерьем – будущим сираджем, когда сираджбаши убеждался, что он уже в достаточной мере овладел мастерством, его возводили в сираджи. Существовали также чашнагиры (от персидского «чашнагир», человек, отбирающий вино), говоря современным языком, сомелье. Иногда у сираджей были свои собственные чашнагиры.

Как-то раз один из сыновей царя Ираклия II, проезжая мимо сирачханы, увидел множество бурдюков с вином, лежащих на арбах у входа в заведение. Он спросил, – «почему так много вина выставлено на продажу?», один из его свиты ответил, что это вино предназначено для людей, у которых нет ни виноградника, ни вина, ведь они тогда хотят пить его. Качеству вина, продаваемого на базарах Тифлиса, уделялось особое внимание, в связи с этим даже существовал специальный указ Ираклия II.

### Чашнагир князя Гуриели

Сираджи везли вино из региона Кахети в огромных румбах, уложенных на арбах. Румбы – бурдюки, которые изготавливали из кожи животного, они являлись самой большой емкостью для транспортировки продукции. Иногда румб вмещал до 30 пудов вина (примерно 500 литров). Изнутри его обрабатывали дегтем, из-за чего вино приобретало специфический привкус, в особенности, когда напиток перевозили на длинные расстояния. Дюма писал о румбах, мягко говоря, без восторга – «вино держится в козых или буйволиных бурдюках, которые дают ему вкус, как говорят, очень ценимый знатоками, но который я нахожу отвратительным», – отметил французский писатель.

Сираджи вместе с пишкарами осенью объезжали дерев-



Сбор винограда

ни, осматривали винодельни крестьян, и выбирали для себя поставщиков продукции. Визит сираджа в семью считался огромной честью, его прибытие отмечали тем, что обязательно забивали овцу или даже быка. В свою очередь сирадж должен был преподнести главе семьи довольно ценные подарки, к примеру, чоха-ахалухи, сладости для детей, в то время пользовался популярностью десерт «шакаркинули» («сахарный лед» – прозрачная сладость кристаллической формы, изготавливаемая из сахара и фруктового сока). Они гостили в семье несколько дней или целую неделю. Сначала осматривали виноградник, затем погреб, пробовали старое вино, оставшееся с предыдущего урожая, и только после этого принимали решение о покупке продукции у конкретного крестьянина. Сираджи присутствовали при процессе отжима винограда, наблюдали, как виноградный сок заливали в квеври, затем сосуд закупоривали, обсыпали крышку золой и сирадж ставил туда свою метку. Без его ведома владелец не имел права открывать квеври и продавать вино. Когда приближалось время открытия квеври, сираджи вместе с чашнагирами ехали пробовать вино. Далила Цатава описала процесс дегустации, рассказав интересный случай. Когда у князя Гуриели гостил царь Соломон, хозяин пригласил на соревнование одного из своих чашнагиров. В одном бокале смешали несколько вин

из разных деревень. «Чашнагир сначала посмотрел напиток на просвет, проверяя степень прозрачности вина, затем вдохнул аромат, в конце попробовал на вкус и сказал названия всех трех деревень, – «цвет вина из этой деревни, вкус – из той». Вот такими они были профессионалами. Согласно историческим источникам, свои чашнагиры были у каждой деревни. «Вино должно было быть таким, чтобы после открытия квеври его благоухание доходило до соседнего дома», – отметила Цатава.

Как только сирадж приезжал в винодельню, хозяева погреба наполняли румбы водой, чтобы затем налить туда вино, за стерильность и чистоту румбов несли ответственность семья, продававшая продукцию. Бывали случаи, когда вино, меченное сираджем, оказывалось негодным, и чтобы винодел не терпел убыток, сирадж все равно закупал у него продукт: очень достойный поступок с его стороны. После соблюдения всех процедур, вино заливали в румбы и везли в Тифлис. Это было пленительное зрелище: целый караван – десятки арб с румбами ехали по всей Кахети в течение нескольких дней. Передвижение каравана самолично контролировал сираджбаши. Достигнув столицы, румбы распределяли по духанам, а любители этого благородного напитка с радостью шли в сирачханы, чтобы попробовать вино нового урожая.



Тамара Туманишвили в балете «Котильон»

## «ЧЕРНАЯ ЖЕМЧУЖИНА» И МИСТЕР БИ

■ **Нана ГОНГАДЗЕ**

*Книга «Жизнь на пуантах» писателя и тележурналиста Наны Гонгадзе посвящена Тамаре Тумановой, прозванной современниками «Черной жемчужиной» русского балета XX века. История жизни примы начинается фантастично: в годы Гражданской войны грузинская княжна кидается на поиски мужа, офицера Белой гвардии. На заснеженном полустанке, где-то около Тюмени, она рождает в теплушке дочку. Так появляется на свет Тамара Туманишвили, ставшая звездой мирового балета. С младенчества ей выпали трудные испытания. Сначала родители увозят ее в Харбин, позднее – в Париж. Отмеченная божьим даром девочка учится в балетной школе Ольги Преображенской и уже в десятилетнем возрасте с триумфом выступает на сцене Парижской Гранд-Опера, «бэби-балерине» аплодируют Павлова, Кшесинская, Лифарь. Совсем скоро она станет солисткой «Русского балета Монте-Карло» и завоеует мировое призвание. Книга представляет интерес как для знатоков и любителей искусства, так и для широкого круга читателей. Героями книги являются Джордж Баланчин, Игорь Стравинский, Пикассо, Дали, Жан Кокто, звезды балета и Голливуда.*

*Нане Гонгадзе в результате кропотливого труда удалось снять документальный фильм о Тумановой в те годы, когда имя мировой примы, прожившей всю свою жизнь в эмиграции, было практически неизвестно на родине. Книга Н. Гонгадзе «Жизнь на пуантах» издана на грузинском языке. Недавно на русском языке книга была представлена в интернет-издательстве Aegitas.ru. С любезного разрешения автора публикуем фрагменты из книги, посвященные творческому союзу Джорджа Баланчина и Тамары Тумановой.*

Ольга Преображенская изо всех сил старалась побыстрее выпустить свою воспитанницу Тамару на большую сцену, чтобы та начала сама зарабатывать и помогать родителям. При первой возможности она представила Тамару и восемь других балерин директору балетной труппы «Ballet Russe de Monte Carlo» полковнику де Базилию. Вместе с ним в студию к мадам Прео, так называли свою наставницу ученицы, пришел хореограф Джордж Баланчин. Он отвесил церемонный поклон Ольге Осиповне, галантно поцеловал ей руку. Преображенская встретила его словами: «Какой сюрприз!». Она была неописуемо рада видеть Георгия, который был ее студентом в Петрограде. Начался просмотр. Туманова настолько искусно показала свое искусство, что Баланчин разволновался. Он спросил разрешения побеседовать с ней и обратился к Тамаре: «Вы любите музыку? Сможете сыграть что-нибудь?». «Конечно», – ответила она и сыграла сонату Моцарта. После этого Баланчин, не колеблясь, ангажировал ее на положение примы-балерины «Русского балета Монте-Карло». Тамара Туманова была принята в лучший балетный коллектив Франции, а хореограф Джордж Баланчин

Тамара. 1941 г.





Евгения Туманишвили – мать Тамары

обрел в лице маленькой балерины свою музу.

Тамара писала: «Баланчин, как и моя мать, был грузином, человеком щедрой души, с безграничной энергией. Думаю, что Баланчин видел во мне родственную душу, в моей грусти, в том, что я наполювину грузинка. Его сестра Тамара умерла, и у меня было чувство, что он видел во мне свою сестру». Забавно отметить, что девочка-подросток видит в Баланчине человека солидного, считает «энергичным, несмотря на возраст». Это она пишет о человеке на пороге тридцатилетия.

Премьера балета «Котильон» в постановке Баланчина прошла с колоссальным успехом. Выступление Тамары стало открытием, сенсацией, а заслужить такой успех в Монте-Карло, где была свежа память о прославленных Дягилевских сезонах, было совсем непросто. Критики отмечали, что хореограф сделал акцент на юную Туманову, с ее безупречным телосложением, харизматической внешностью. К этому времени к труппе присоединились еще две барышни – 13-летняя Ирина Баронова и 15-летняя Татьяна Рябушинская, занимавшаяся одно время у Матильды Кшесинской. Таня была младшей дочерью знаменитого московского мецената, банкира Михаила Рябушинского и артистки балета Большого театра Татьяны Примаковой. Три юные грации, обладавшие прекрасной техникой, составили трио. Однако веду-

щая партия в балете «Соперничество» досталась Тамаре. Кульминацией постановки был эпизод, когда все трое синхронно делали по 32 фуэте. Такого на сцене еще никто не исполнял, а для девочек сложнейший экзерсис не составлял особого труда – они кружились в любом направлении, сохраняя идеальное равновесие.

Баланчин восхищался талантом Тамары, он был доволен, как она справляется с драматургией образа. Тамара вспоминает: «После удачного выступления он всегда брал меня в знаменитую кондитерскую Монте-Карло «Pasquet» и покупал мне там самые дорогие конфеты». Из-за юного возраста девочек в прессе называли «бэби-балеринами». Но серьезной Тамаре не нравилось это прозвище, в интервью журналу «Time» с некоторой долей досады она заявила: «Маленьким детям не под силу танцевать «Лебединое озеро». Балет – не детские шалости».

Маленькие балерины успешно выступали в постановках Баланчина и Мясина, им рукоплескали Париж и Лондон. Благодаря таланту хореографов и исполнительскому мастерству артистов русский балет выжил после кончины Дягилева, несмотря на все трудности и финансовые проблемы. Однако в 1933 году Баланчин, который искал новые пути в искусстве, совместно с либреттистом Борисом Кохно основал в Париже компанию «Les Ballets 1933», художественную часть компании возглавили драматург Бертольд Брехт и композитор Курт Вайль. Таким образом, Баланчин перешел от идей к делу, приступив к созданию балетного искусства XX-го века. Артистам предстояло сделать выбор: Тамара с матерью были уверены, что должны перейти к Джорджу. Другие артисты колебались. Мадам Прео посоветовала идти к Баланчину. Работать у него было непросто: с утра начинались занятия, весь день длились репетиции. Балерин поражала изобретательность Баланчина-хореографа, который ежедневно преподносил своим артистам сюрпризы. У него была привычка выбирать одну

танцовщицу и работать с ней весь день, пробуя незнакомые движения. «Когда он, наконец, решал, что правильный баланс корпуса установлен, то говорил: «Теперь вы можете возвращаться, сколько хотите». Это было счастьем! Так мы и делали», – пишет в своих воспоминаниях балерина Тамара Чинарова.

Мамы всех балерин на целый день оставляли девочек на попечение Баланчина и забирали их в конце дня. Так поступали все, кроме Евгении Туманишвили, которая упорно высиживала на всех репетициях, заверяя Баланчина, что никак не может удалиться, поскольку составляет одно целое со своей дочерью. Однако балетмейстер проявил твердость и запретил ей присутствовать в зале, и Евгения вынуждена была дожидаться дочь в гримерной.

Баланчина называли «мистер Би», все девушки были в него влюблены, в том числе и Тамара. Вот что она вспоминает о далеких днях своей юности: «Несколько недель назад я нашла дневник, который вела в то время, и увидела запись: «Ой,

Тамара. 1925 г.





Джордж Баланчин

ой, ой, Тамарыч, осторожно, осторожно»... Потому что понимала, что он был очень привлекательным». Преданность Тамары окрыляла Джорджа, специально для «дорогой Тамарочки» он создал шедевр – первую версию балета «Моцартиана» на музыку Чайковского. «Гордость в сочетании с техникой, вот чему научил меня Баланчин, – писала Туманова. – Я прекрасно это освоила и демонстрирую до сих пор. Не для какого-нибудь показного шика, ни для всяких там «фигли-мигли».

Нэнси Рейнольдс, директор центра исследований Фонда Баланчина вспоминает, что балет «Моцартиана» вызвал неоднозначную реакцию, консерваторов возмущали «недопустимые» для классического балета позиции артистов. «Баланчин в это время уже искал новый, более современный язык для классического танца», – говорит она.

Напряженный период репетиций, наконец, завершился. И «Ballet 1933» представил на сцене «Theatre des Champs-Élysées» (Театра Елисейских полей) шесть новых балетов Баланчина. Это был настоящий прорыв, новаторскими были и постановка, и декорации, и

костюмы. Премьера прошла успешно, но последующие выступления не принесли успеха: балет «Скиталица» окрестили скандальным, «Моцартиану» – скучным, а «Семь смертных грехов» – не эстетичным. Однако Гертруда Стайн предредила: «Придет время. Все увидят и поймут!». Компания Баланчина протянула всего полгода, но своему создателю принесла неоспоримую пользу. В Лондоне его постановки увидел американский мультимиллионер, искусствовед и филантроп Линкольн Кирстейн, мечтавший создать американскую балетную школу, и на ее базе компанию. В лице Баланчина он увидел человека, которому под силу исполнить его мечту и предложил балетмейстеру переехать в Америку. «Его грузинское имя – Георгий Баланчивадзе. Он обладает личным шармом, он брונет, гибкий, отменный танцор и самый гениальный мастер балетной техники из тех, кого я знаю. Будущее за нами. И ради Бога, не позволяйте нам потерять его!», – писал Кирстейн своему партнеру в Нью-Йорк. Хореограф, дав согласие работать в Америке, поставил условие, что

желает видеть у себя в труппе Тамару Туманову в качестве звезды.

По разным обстоятельствам Тамара с родителями переехала в США только в 1937 году. А первое ее знакомство с Америкой произошло во время гастролей по стране, которые организовал Сол Юрок для труппы «Русского балета Монте-Карло» в начале 30-х годов. В программе тура были уникальные балеты Мясина. Тамара исполняла в них ведущие партии. Она также была занята в классических балетах – «Сильфида», «Лебединое озеро», «Петрушка». Следует отметить, что балетом «Петрушка» дирижировал автор, Игорь Стравинский.

Переехав в США, Туманова с родителями обосновалась в Лос-Анджелесе. Приезжая в Нью-Йорк, она спешила посетить Академию балета Баланчина и позаниматься у него в классе. «У меня никогда не было травм после его класса. Я безмерно совершенствовалась, набирала все большую скорость, все большую уверенность и, самое важное, от скорости у меня появлялась свобода движений», – вспоминала

Джордж Баланчин и Линкольн Кирстейн





С партнером на сцене

Тамара.

Туманова была фанатично предана классическому балету, поэтому ее поразил сам факт, что Баланчину нравились американские шоу, атмосфера на Бродвее, видимо, феерический размах постановок давал выход его фантазиям. Например, в 1942 году он даже согласился поставить цирковой номер для 50 слоних и 50 балерин. Музыка для этого дивертисмента, так называемую «Цирковую польку», написал Игорь Стравинский.

Баланчин постоянно навещал Туманову в Калифорнии, в кругу ее семьи он чувствовал себя уютно, был дружен с отцом Тамары, бывшим полковником царской армии и талантливым литератором. В один из своих визитов Баланчин, как раз вернувшийся из Южной Америки, привез Тамаре в подарок ярко-красный аметист. «Баланчин любил красивые вещи», – вспоминала балерина. Порой, гуляя по Пятой авеню, хореограф подолгу останавливался у витрин известного ювелирного дома и

любовался изделиями. «Я всегда любил драгоценности, – говорил он. – Я ведь восточный человек, я – грузин». Настанет время, и Баланчин создаст свой шедевр, к которому он шел четверть века, – балет «Драгоценности» в трех частях – «Изумруды», «Рубины» и «Бриллианты», и посвятит его трем балетным школам – русской, французской и американской.

Туманова участвовала в постановках для «Ballet Theatre» в Нью Йорке, а также для «San Francisco Ballet». Однажды ей позвонил Баланчин и сообщил, что задумал для нее новый балет «Балюстрада». Тамару такое предложение обрадовало. В то же время ей было лестно, что в течение трех недель Баланчин, композитор Стравинский и художник Челищев ежедневно посещают ее спектакли в Калифорнии. В день окончания сезона эта троица явилась к ней в гримерку. «В знак уважения к вам и вашему искусству мы желаем подарить вам бриллиантовое ожерелье», – торжественно объявили гости.

Тамара смутилась от волнения, и тут друзья пояснили, что подразумевают не обычное ожерелье, а задуманный специально для Тамары балет, созданный на музыку скрипичного концерта Игоря Стравинского. На репетициях Джордж работал под запись концерта. Евгения Дмитриевна, как всегда, присутствовала в репетиционном зале, выражая недовольство, если дочь, по ее мнению, принимала чересчур откровенные позы. Джордж изредка оглядывался на Евгению и, улыбаясь, бросал ей утешительную фразу: «Мамочка, не думайте плохо!». Композитора на репетиции не допускали, такова была воля Баланчина. Он говорил: «Я не приглашу Стравинского до тех пор, пока не закончу номер. Не волнуйся, он пока не придет. Он до смерти хочет здесь быть. Он хочет сунуть свой нос в постановку, но я не позволю». Перед началом представления в день премьеры Баланчин вышел к зрителям, указал перстом вверх и сказал: «Стравинский звонил

Тамара Туманова. Вторая половина 1930-х гг.





Тамара и Джордж Баланчин в бассейне

оттуда и сказал мне: «Делайте, что хотите и как хотите, концерт – ваш!», – этим Баланчин подчеркнул, что гениальный композитор предоставил ему полный карт-бланш, и только хореограф в ответе за все, что будет происходить на сцене. Стравинский дирижировал на премьере, партию скрипки исполнил Эммануил Душкин.

Тамара появлялась во второй и в четвертой частях. Перед премьерой ей доставили в гримерку ее сценический костюм. И тут она поняла в полной мере, что имел в виду Баланчин, пообещав ей бриллиантовое ожерелье. Ее костюм был усыпан драгоценностями, он искрился бриллиантами, на свету переливались гранями рубины и изумруды, а прическу балерины венчал сверкающий алмазами полумесяц. Даже туфельки украшали драгоценные камни. На сцене белая балюстрада выделялась на фоне черного занавеса. Тамара вспоминала: «Я была в черном. Каждое движение было выверенным. Во время премьеры в зале несколько раз раздавались восклицания, настолько были поражены зрители. Балет был сделан прекрасно, в великолепной манере». По словам рецензента Э. Денби, Туманова представала перед публикой подобно драгоценной статуэтке, с лицом невероятно величественным, в нем было даже нечто демоническое. «Она околдовывала своими ос-

лепительными великолепными ногами, острым, как удар кинжала шагом, смелыми пируэттами и длительным балансом», – писал критик. Стравинский был абсолютно очарован балетом. Он сказал: «Жорж, думаю, что это – эпитома моих мыслей». Он написал в своей книге, что «Балюстрада» был самым значительным балетом в его карьере.

Хореограф Бронислава Ни-

В балете «Дон Кихот»



жинская поставила специально для Тумановой балет «Время урожая», в котором Тамара блистала в роли ведущей примы. Тамара вспоминала, как Баланчин навестил ее после выступления в этом спектакле: «Он стоял за кулисами и следил за действием. После спектакля зашел в мою гримерную, присел и говорит: «Знаешь, Тамарочка, ты танцуешь балет мадам Нижинской, как Хейфец играет на скрипке. Твои ноги исполняют свою партию, как Хейфец свою смычком на струнах». «Баланчин никогда не завидовал. Он уважал других хореографов», – вспоминала Туманова.

Популярность Тамары в США росла с каждым годом, известные авторы писали о ней статьи, ее фотографии появлялись на обложках модных журналов. Ее замечают в Голливуде и приглашают сниматься в военной драме «Days of Glory» («Дни Славы»). Тамара играла роль балерины Большого театра, которая по воле судьбы оказалась в партизанском отряде. Туманова способствовала тому, чтобы роль красавца-партизана в фильме досталась начинающему театральному актеру – так с легкой руки ба-



Тамара в испанском костюме

лерины началась блестящая кинематографическая карьера Грегори Пека. Из любви к Тамаре продюсер и сценарист фильма готов был не только отдать роль дебютанту, но и исполнить любой ее каприз. Сделав предложение руки и сердца, Кэйси Робинсон согласился даже на то, что теща и тесть будут жить с ними под одной крышей. Вопреки американским традициям, главным условием балерины было то, что ее родители останутся жить с ней. Венчание Тамары и Кейси Робинсона, успешного магната Голливуда, состоялось 13 июля 1944 года в православном храме Пресвятой Богородицы. Тамара намеренно не пригласила на свадьбу жившего в Нью-Йорке Баланчина, не желая подвергать его хлопотам, в годы Второй мировой войны гражданские самолеты летали по специальному

графику. «Церемония была очень скромной, – вспоминала Тамара. – После алтаря и объявления нас мужем и женой мы принимали поздравления, и я внезапно увидела Баланчина. Он подошел ко мне, поцеловал меня, поздравил Кейси, даже поцеловал его. Я говорю: «Георгий Мелитонович, как невероятно, что вы здесь!». «Как я мог пропустить свадьбу моей дочери?», – скромно ответил Баланчин. Евгения Дмитриевна, как всегда, была в своей стихии, все распланировала, всем руководила, даже отправилась с молодоженами в свадебное путешествие.

Семья поселилась в Беверли-Хиллз, а через два года Кейси приобрел особняк в престижном Бел-Эйр, в северной части которого жили Фрэнк Синатра, Стив Мартин, Энтони Куинн, Грета Гарбо, Ава Гарднер,

Лана Тернер и другие знаменитости первой величины. Была ли здесь счастлива Тамара в качестве миссис Робинсон? Ведь она получила все, о чем только могла мечтать. Кэйси оказался внимательным и заботливым супругом. Просьба Тамары пристроить к дому репетиционный зал была выполнена беспрекословно и мгновенно. Он не требовал, чтобы Тамара родила – у Кейси были дети от других браков. Его даже не раздражали высокомерные высказывания тещи об уникальности ее дочери. Он был благодарен Евгении Дмитриевне, которая взяла на себя все домашние заботы. Тамара писала о своей жизни: «У меня красивый муж. Он уважает моих родителей, а они боготворят его. Я имею все, что могу пожелать. У меня три собаки, ручные голуби и шикарные автомобили». Кроме того, для Тамары были открыты все двери в Голливуде, она не только гастролирует по миру, но и снимается у знаменитых режиссеров. Однако стоило Джорджу Баланчину позвонить из Парижа и предложить ей танцевать в Опере Гарнье, как Тамара сорвалась с места и без сожаления оставила свою спокойную и роскошную заводь.

Баланчин не мог обойтись без Тамары – он готовился к открытию первого послевоенного сезона в «Гранд-Опера». Театр был в ужасном состоянии, здание и сцена были повреждены от обстрелов. «Не было отопления, стены – мокрые, полы – разобраны. Я репетировала в шерстяной кофточке. После Калифорнии трудно было приспособиться к холоду, но все же я находилась во Франции, у себя дома», – вспоминала Тамара. Бытовые трудности с Тамарой разделяла Евгения Дмитриевна, которая, как обычно, сопровождала дочь. Однако все трудности были побоку – единомышленники были поглощены постановкой «Жизели». Баланчин помогал Тумановой готовить эту сложную партию, он занимался с ней ежедневно, вникая в каждое движение и жест балерины. Позднее Тамара говорила, что своим успехом в «Жизели» была обязана Джорджу. И вот после напря-



В балете «Лебединое озеро»

женных трудов настал день открытия сезона. Весна 1947 года, 17-ое апреля, супруга президента Франции, госпожа Ориоль объявляет об открытии сезона «Гранд-Опера». После большого успеха в «Жизели» Туманова неоднократно говорила: «Я стала Тамарой Тумановой благодаря Баланчину. Он был настолько выдающимся, что после него я могла безболезненно работать с другими хореографами».

28 июня 1947 года Баланчин вынес на суд французской публики балет «Le Palais de Cristal» («Хрустальный дворец»). Эту постановку хореограф подарил «Гранд-Опера» и его балетной труппе. Основой балета послужила Симфония си мажор, написанная Жоржем Бизе в 17 лет, ее случайно обнаружили в Парижской библиотеке. На премьеру этого спектакля из Америки приехал муж Тамары. На следующий день после приезда Кейси Робинсона супруги вместе пришли в театр на репетицию. За кулисами им повстречался художник Павел Челищев. Тамара познакомила его с мужем, и художник, поклонившись, скороговоркой обронил по-русски: «Вы все равно разойдетесь!». Тамара удивилась его бестактности, но не подала виду. Через несколько лет это предсказание сбылось, пара

распалась после того, как Тамара узнала об изменах мужа.

Первая сцена нового спектакля «Хрустальный дворец» в постановке Баланчина началась необычно и эффектно. Открылся занавес, а на освещенной сцене уже стояли улыбающиеся танцоры в красных костюмах. Прекрасные наряды были созданы художником Кристианом Делакура и представляли собой настоящие шедевры: сверкали в лучах прожекторов и меняли цвет в каждой хореографической картине. При смене эпизодов красный цвет менялся на черный, черный преображался в зеленый, розовый и т.д. Такое динамичное зрелище изумляло, покоряло, оборачивалось фейерверком музыки, цвета, чувств и красоты. Тамара танцевала адажио во второй части балета, это была сложная партия, требующая соблюдения устойчивого баланса и равновесия. Тамара вспоминала: «Я закончила танцевать, преклонила колено перед партнером, а в зале стояла полная тишина. «Неужели не понравилось?», – промелькнула мысль. И вдруг раздались оглушительные овации. Это был самый экстравагантный балет Баланчина!». Туманова не раз вспоминала свое выступление в этом спектакле: «Когда я танцевала этот балет, я чувствовала

себя, как в раю».

Наступил театральный сезон 1949 года, он вновь был открыт в «Гранд-Опера» неувыдающей «Жизелью» с Тумановой. Она также великолепно станцевала «Жизель» с труппой балета маркиза де Куэваса в театре «Palais de Chaillot». В знак признания ее мастерства президент Франции Винсент Ориоль вручил балерине бронзовые слепки ее кисти и стопы. «Этой наградой мне дали понять, что Франция признает мою Жизель как одну из лучших», – вспоминала Тамара. За исполнение партии Жизели Серж Лифарь вручил ей премию имени Анны Павловой Парижского университета танца. Тамара также стала лауреатом премии «Le Grand prix de Giselle» Федерации танцевальных журналистов и критиков Франции. По мнению французского критика балета Леона Вайара (Leon Vayar), в мире было три Жизели: Павлова, Спесивцева и Туманова.

Тамару Туманову восторженно принимала публика во всем мире, включая страны, где искусство балета было в новинку. В Аддис-Абебе император Хайле Селассие изъявил желание, чтобы Тамара станцевала только для него «Умиряющего лебедя», в награду за танец он предлагал царице балета

Тамара и Грегори Пек





огромный изумруд. Но Тамара отказалась. В Йоханнесбурге после завершения выступлений к Тамаре пришла депутация трудящихся: «Предлагаем вам возглавить государство, когда наша партия станет правящей!».

Но познавшая славу балерины не переставала относиться к своему первому хореографу и наставнику с неизменным почтением. Множество дам, добивавшихся внимания Баланчина, называли его «милый Жорж», «наш несравненный Джордж». Тамара продолжала величать его по имени отчеству.

Баланчин считался непревзойденным гурманом и сам прекрасно готовил. Тамара никогда не опускалась до такой «прозы жизни», но однажды в отсутствие ее кухарки нагрянули в гости родители мужа, и Тамаре пришлось что-то приготовить самой, получилось удачно, и с тех пор она заинтересовалась кулинарией. «Я сказала об этом Баланчину, и он ответил: «Ага, теперь мы посмотрим, кто из нас – лучший повар, ты или я?». После этого вызова к его приезду, я всегда сама готовила пирожки и большие пироги, а также бефстроганов», – вспоминала Туманова. – «Он был доволен. И говорил мне: «Сказать по правде, мне не удается такое тесто, как у тебя». По словам Тамары, любимым напитком Баланчина было шампанское «Roederer Cristal». «Я наслаждаюсь им, несмотря на то, что его любил и наш последний царь», – шутил хореограф.

В месяцы совместной работы Тумановой и Баланчина над постановками в Лос-Анджелесе супруг Тамары часто приглашал всю компанию в модный ресторан «Романовф». «Раз в неделю Баланчин устраивал ужины у себя. Они были совершенно чудесны. По вечерам приходил Стравинский и играл на фортепиано. Затем играли в карты. Они научили меня играть в покер, – говорила о той поре Тамара. – Вечерами отдыхали, а весь день трудились с упоением».

В декабре 1962 года в семье Тумановых пришла беда – скончался отчим Тамары, Владимир Хасидович. А через две недели из Парижа пришла

печальная весть о смерти Ольги Преображенской, что окончательно погрузило Тамару в депрессию. Узнав, в каком состоянии находится Тамара, Баланчин поспешил ей на помощь. Он только что вернулся из Советского Союза и сразу же приехал в Калифорнию, чтобы подбодрить осиротевших женщин. Чтобы развеять грусть, Джордж рассказывал им о путешествии в Россию и Грузию, о встрече с братом Андреем в Тбилиси, которого не видел около 40 лет, о городе Кутаиси, где посетил могилу отца Мелитона Баланчивадзе. «Любовь к прекрасному и ощущение прекрасного в любви у меня от отца, – говорил он. – А что может быть прекраснее женщин и музыки, и соединяющего их танца!». Слушая Джорджа, мать и дочь мысленно переносились на родную землю. Возможно, именно тогда у Тамары возникло желание поехать на гастроли в Советский Союз, посетить Тбилиси и повидать своих родственников. Как удалось выяснить, в 1966 году балерина обратилась с письмом в Госконцерт с просьбой разрешить ей приехать в СССР на гастроли, и получила обнадеживающий ответ, но гастроли так и не состоялись.

Туманова прекратила выступать в 1971 году. Ее уход стал сенсацией. Тамара и тут проявила силу своего характера, поставив решительную точку на взлете своей карьеры. Прощальное выступление Тумановой прошло в знаменитом лондонском театре «London Coliseum Theatre». Расставаясь со сценой, Тамара станцевала свою любимую роль – партию Одетты в «Лебедином озере» Чайковского.

В 1972 году Баланчин был поглощен устройством концертов, посвященных годовщине смерти Стравинского. Хореограф посвящал Тамару в свои планы и пригласил ее на премьеру трех балетов, которые он создал на музыку композитора. То были: «Симфония в три движения», «Два концерта» и «Концерт для скрипки». В последнем – Баланчин, находившийся под впечатлением от поездки в Грузию, поставил для кордебалета грузинский танец. Баланчин был



Студийный снимок Тамары

полон энергии и с удовольствием повторял: «Мы, грузины, живем до 150 лет!». На «Фестиваль Стравинского» Тамаре не удалось приехать из-за болезни матери. Забегая вперед, отметим, что не поехала Тамара и в Вашингтон, где в декабре 1978 года Баланчину вручили высшую награду Центра исполнительского искусства имени Джона Кеннеди. Тем не менее это никак не отразилось на их теплых отношениях. Тамара сердечно поздравила Георгия Мелитоновича по телефону. Он, как обычно, интересовался ее мнением. Вряд ли они догадывались тогда, что говорили друг с другом в последний раз.

Баланчин скончался 30 апреля 1982 года. Тамара Туманова ушла из жизни через четырнадцать лет, в возрасте 77 лет. Хореограф и его муза вошли в историю мирового балета. Танец Тумановой являлся образцом для многих западных балерин, в том числе для Марго Фонтейн. В годы становления американского балета многие балерины старались подражать Тумановой, которая представляла идеальный образец хореографического стиля Баланчина. Недаром мистер Би называл Тамару «величайшей танцовщицей и актрисой».



Вид на Казенный театр с торца

## «ЭКЗОТИЧЕСКОЕ ЗДАНИЕ В НЕОМАВРИТАНСКОМ СТИЛЕ»

Ладо ТАВАДЗЕ

Грузинский оперный театр, 170-летие которого торжественно отметили в апреле, всего 23 года принимал зрителей в специально созданном для него роскошном помещении. Потом пожар уничтожил здание караван-сарая Тамамшева, в котором он располагался на площади Паскевича-Эриванского. А новое его здание на проспекте Рушвеля в этом году тоже юбилей – ему исполняется 125 лет.

После пожара 1874 года караван-сарай восстанавливается, но в его стенах остается только торговый центр. Оперная труппа вынуждена выступать в легком строении, созданном в Инженерном саду на перекрестке Водовозного переулка и Инженерной улицы. Ниже него – спуск к Куре, туда, где теперь раскинулся популярный ресторан «Дзвели сахли». Строение плохо

приспособлено для оперных постановок и ясно, что театру, популярность которого все время растет, нужна новая сцена. А когда она появится, зависит от денег и от времени.

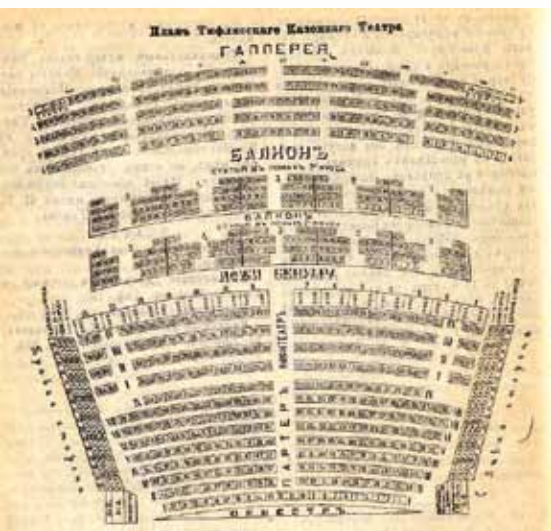
После пожара проходит аж два года и, наконец, в 1876-м объявляется закрытый конкурс, который должен определить, каким будет облик нового здания. Познавательное прочесть пару условий этого конкурса. Стиль зрительного зала и интерьеров должен быть «арабским или персидским» и «по возможности приближающимся» к оформлению зала сгоревшего театра.

Проектов-конкурсантов всего четыре, у них «говорящие» девизы. Побеждает проект «Не впервые» петербургского профессора Института гражданских инженеров Виктора Шретера. Две вторые премии получают

«Попытка» военных инженеров Николая Туманишвили и Юлиана-Роха Лявданского, а также «Феникс» тбилисца Отто Симонсона, автора реконструкций дворца наместника Кавказа и



Виктор Шретер



План зала Казенного театра

1-й классической гимназии, проектов Александровского сада и гостиницы «Ориент». А четвертый проект отвергается как «не отвечающий условиям конкурса».

Победитель – академик архитектуры, золотой медалист Берлинской академии художеств. Он стремится «строить солидно, а вместе с тем экономно», первым в России стал облицовывать нештукатуренные фасады обожженным кирпичом и естественным камнем. Он создал проекты театров в Киеве, Иркутске и Нижнем Новгороде, перестроил Мариинский театр в Петербурге, построил вокзал в Одессе...

В Тифлисе этот архитектор частично воспроизводит в псевдомавританском стиле облик оперного театра в баварском городе Байройте, где и по сей день проходят Вагнеровские фестивали. Здание, в котором предусмотрены все последние технические новинки по обустройству театральных помещений, планируется построить в верхней части Александровского сада. Но в процессе согласования проекта от этого местоположения отказываются.

Согласование же, как водится, затягивается в «верхах», и лишь в 1880 году наместник Кавказа великий князь Михаил Романов утверждает проект. Но, говоря современным языком, «в условиях ограниченного финансирования». К делу подключаются богатые горожане, но и их денег не хватает. Неизвестно, сколько бы еще тянулось строительство, если бы в 1887



Интерьер зрительного зала

году этот долгострой не возмутил Петра Чайковского. Великий композитор обращается прямо к Александру III с просьбой поспособствовать и, конечно же, строительные работы ускоряются.

В разное время ими руководят знаменитые тифлиские архитекторы Пауль Штерн, Альберт Зальцман и Александр Шимкевич. В сооружении и оборудовании сцены участвует машинист-декоратор Карл Вальц, которого называют театральным кудесником. Он 65 лет проработал в Большом театре, отвечая за все художественное оформление спектаклей. Технические новинки он использует и в тифлисском театре.

В итоге строительство обходится в кругленькую сумму – 750 тысяч рублей золотом. Основную часть денег (спасибо Чайковскому!) выделяет казна, и поэтому многие годы театр называется Казенным. Освящают его и торжественно открывают оперой Михаила Глинки «Жизнь за царя» в 1896 году. Дирижирует оркестром известный композитор Михаил Ипполитов-Иванов. В последующие годы здесь показывают драматические спектакли.

Зал практически все время переполнен, хотя цены на лучшие места кусаются. Билеты в бельэтаж стоят 12-16 рублей, в партер до 5-го ряда – 4 рубля, а от 10-го до амфитеатра – 2 руб. Галерка же в 40 раз (!) дешевле самого дорогого билета – лишь



Карл Вальц

40 копеек. Потом многое изменилось, а главное – в 1937 году Казенный театр стал «Государственным грузинским театром оперы и балета имени Захария Палиашвили». И его тоже ждал пожар... Но это – как говорится, уже совсем другая история.

В «Путеводителе по Тифлису» 1904 года можно прочесть: «Громадное, весьма красивое здание архитектуры здания Казенного театра... Экзотическое здание в неомавританском стиле...» Те же слова с полным основанием можно повторить и сегодня. Ведь здание слегка переименованного Тбилисского государственного театра оперы и балета имени Захария Палиашвили – одно из очень немногих, сохранивших и сегодня свой неповторимый первоначальный облик.



М. Дашевский. Тбилисский дворник

# ГДЕ ПАРИЖ, ГДЕ МОЙ ДОМ

— Анаида ГАЛУСТЯН

Однажды в один из чудесных, светлых предпасхальных дней моя соседка задала мне очень интересный вопрос: «Ты что будешь делать в Чистый Четверг?» Это означало, стану ли я переворачивать дом вверх дном, закатывать генеральную уборку. Мне хотелось ответить, что с моими детьми, собаками, кошками у меня каждый день Чистый Четверг, но я просто поддержала ее боевой дух. Видимо, такое воодушевление и вдохновение посетило не только мою соседку, а многих жителей высоких и невысоких корпусов-коробочек на проспекте Церетели, в одной из которых мы временно проживали. Отовсюду что-то лилось, сыпалось или вышвыривалось на улицу, и я поняла: чем чище в домах, тем грязнее под ними. И проис-

ходило это не только по праздникам...

Кого сегодня удивят сигаретные окурки, тоненькие шприцы и всякая всячина, валяющиеся на улице, во дворах, подъездах, в парках – везде! Вот и я не удивляюсь. Таким натюрмортом можно любоваться каждый день с балконов нашего дома. Вот и приходится, выгуливая собаку, смотреть в оба, чтобы пес «не закусил» каким-нибудь деликатесом. Выгуливаю, тцательно следя за его шагами. Тут распахивается окно на первом этаже, и нервная женщина кричит:

– Уберите сейчас же свою собаку из-под моих окон! Ходят тут, гадят! – окно захлопывается, она перебегает на кухню и распахивает другое окошко рядом с прежним, про-

должая ругать моего пса, меня и весь мир, и в окно вылетает пустой спичечный коробок... Кстати, за своим любимым псом я убираю и на меня как-то странно косятся, я даже слышу их мысли... Стоит наш славный дворник Гурам, бывший историк, среди всего этого великолепия и разводит руками.

– Вот, – говорит, – посмотришь на выходящих из подъездов людей, вроде все нормальные, чисто одетые, надушенные, на балконах – цветы, на окнах – красивые занавески и в домах, наверное, чисто, и не верится, что все это они делают...

И принимается за работу. С раннего утра каждый день, в любую погоду метет, метет, подбирает, что-то тащит, кормит дворняг и не ворчит. Грустит только. Я про себя назвала его «грустный Гурам».

Рядом с домом – детская площадка с новыми, но уже изуродованными стульями, каруселями, горками. Дети возятся, носятся, галдят – радуются детству! А вокруг – пушистая и сочная молодая травка, кусты ароматной сирени, нежные акации, поспевающие инжир и тут – все дышит, живет, радуется весне, щебечут птицы, ласточки строят гнезда. Какое счастье, что они умеют летать, а деревья смотрят вверх. И ничего, что на их ветвях развеваются, словно флаги, разноцветные целлофановые пакеты – они цветут, переживая еще одну свою весну...

Вот и Гурам заканчивает наводить порядок на земле, смотрит на моего пса и говорит: – Какой ты красавец, Вилли! Жалко тебя! Тебе бы по парижским бульварам ходить!

Эх, где Париж, где мой дом!

СЕРГЕЙ, РЕКС, ПИСТОН

Жил-был в Тбилиси маленький человек, чистосердечный и искренний, воспитанный и вежливый, спокойный и очень скромный, тихий, живший в своем добром мире, радовавшийся простым вещам... Этаким Акакий Акакиевич. Это я его так про себя называла, хотя звали его Сергей. Все жители Плевановского проспекта или просто прохожие вспомнят этого по-

жилого человека, невысокого, в голубой джинсовой курточке, зимой – в смешной ушанке, стоявшего, опустив голову, на ул. Марджанишвили у аптеки «Фармадепо» с белым пластиковым стаканчиком в руке. Он просил милостыню, а рядом сидели верные друзья – плехановский старожил Рекс, огромный, черный пес, косматый и несчастный. Его отлавливали сто раз, но возвращали на место благодаря зоозащитникам. Иногда приходил пес Пистон – молодой, взрывной, но не кусачий, которого тоже много раз отлавливали, потому что мешал счастью некоторых жильцов. Однажды его отловили и выпустили где-то на окраине города, а он нашел дорогу домой, на родной Плехановский проспект, чем очень обрадовал переживавших за него людей, особенно Сергея. Иногда он сидел на проспекте, возле обувного магазина, и собаки тут как тут. Жил он здесь же, в одном из домов на проспекте. Увидев нас с Вилли, Сергей обязательно вставал, подходил, садился на корточки или опускался на колени, ласкал моего пса, обязательно спрашивал, как мы поживаем и искренне интересовался жизнью Вилли, переживал за все его болячки. Вилли его обожал – чувствовал родную, чистую душу. Однажды я услышала, как кто-то обозвал Сергея пьяницей, но он не обиделся. И я поняла, насколько он незащитный. «Я совсем не пью и никогда не пил, – сказал он, – не люблю и нельзя мне, болею я...» Сколько раз видела, как он считал собранные копейки, заходил в аптеку, а потом шел через дорогу в зоомагазин за собачьим кормом. И всегда предлагал Вилли то корм, то булочку, то хлебушек...

Жил маленький, незаметный человек своей не очень сытой и не очень здоровой жизнью. И ушел незаметно для всех – толпы бегущих по Марджанишвили и проспекту людей. Только собачники поделились друг с другом печальной новостью, расстроились и разошлись по своим делам. Растерянные Рекс и Пистон уже пятый день мечутся по проспекту к метро, на ул. Марджанишвили и обратно – ищут своего верного друга,

переживают, даже отказываются от еды. Конечно, я их понимаю: много ли таких людей, которые опустятся перед собакой на колени, чтобы приласкать, поговорить и поделиться совсем не лишней булочкой?

### ДЯДЯ ГУРАМ

О таких людях говорят «маленький человек». Может, потому, что они не оставляют яркого имени в мировой истории и культуре – не знаю. Я не делю людей на высоких – низких, белых – черных, маленьких – больших... Человек или оставляет след или нет. Не имеет значения, большой или маленький. Главное, добрый. Дядя Гурам оставил. В моей душе.

Мы познакомилась в июне 2009-го в Манглиси, когда сняли у него дачный домик. И с тех пор приезжали туда каждое лето, а в течение года просто перезванивались и общались с его большой и дружной семьей. Лето в Манглиси стало для меня волшебным временем года – там не только легко и глубоко дышалось, но затягивались все душевные раны, приходили силы и мощная энергия, да и детям с Вилли было там хорошо. Особенно Вилли! Мы вставали рано, до восхода солнца, и шли в поле дышать, бегать, радоваться незатейливым цветам и встречать солнце. А еще трудолюбивого Гурама, который уже возился со стогами или своей живностью. Худенький, беспокойный

и неугомонный пожилой человек радовался, заведя нас, махал рукой, и мы шли сначала здороваться и болтать о жизни, городской и деревенской. Узнавать, все ли коровы вернулись вечером с пастбища, потому что пропажа коровы была трагедией, много ли молока сегодня, получился ли сыр, родились ли поросята или телята, ходили ли ночью волки в поисках добычи, перестали ли пчелы бунтовать и тучкой подниматься над ульями, расцвел ли зверобой, будет ли дождь или жара... Простая жизненная мудрость дяди Гурама, такие странные для городского человека новости как-то успокаивали, грели душу, и необъяснимая радость или даже счастье наполняли сердце. Оттого, что становилась ближе к земле, церкви и к себе самой. Гурам знал о моем отношении к животным и, как мне потом рассказывали, просил жену не говорить, если на заднем дворе резали кур, и убирать все до последней пушинки. И не ворчал, когда в гости приходили все манглиссские голодные уличные псы, встретившиеся мне...

Однажды вышли с Вилли рано-рано, было прохладно, поле спряталось в тумане, только кое-где островками выбивались маки – здорово! Я шла в тонкой майке и мерзла, но это было приятно. Тут откуда ни возьмись наш дядя Гурам нарисовался – с баранами и стареньким жакетом в руках. «Как можно выходить в таком виде, – пожурил

### Тбилисские друзья



он меня – Манглиси это не Тбилиси, здесь по утрам и вечерам холодно, простудишься ведь!» То, что мы тогда заболтались и все бараны пропали – это отдельная история, но мы их всех нашли – далеко, у церкви!

Вчера мы проводили дядю Гурама в последний путь. Светлая память тебе, добрый человек.

## БЕЗЫМЯННЫЙ

Мы с Вилли выходим на утреннюю прогулку рано, когда еще горят фонари. Я даже не смотрю на часы: если мой пес меня разбудил, уткнувшись мокрым, холодным носом в лицо, значит, пора. Да и не люблю эти цифры и все конкретное, точное, правильное... Не могу сказать, что мне всегда радостно вскакивать, не досмотрев сон, и идти под дождь, снег, ветер – в любую погоду. Конечно, я часто ворчу и ташу своего постаревшего друга, который ползет, как черепаха, отчитывая на чем свет стоит. Тогда он останавливается и смотрит на меня долгим взглядом, в котором и грусть, и мольба, и любовь, и все прожитые годы, и немного упрека. Мне становится стыдно. Опускаюсь на колени, ласкаю его, извиняюсь, и мы идем дальше. В какой-то момент он оживает и идет быстрее, даже бежит – старается меня обрадовать, но скоро снова переходит на шаг и закашливается... Так и

### На прогулке



гуляем. А потом улетучивается сонливость, забывается только что снившийся сон и приходит удовольствие от пустого и тихого проспекта, редких машин, чистого воздуха, фонарей и улыбок прохожих – бомжей, сумасшедших или иностранцев – таких же романтиков, как и мы. Я благодарна Вилли за то, что он научил меня любить раннее утро и общаться без слов. Вот и на этот раз меня остановила добрая улыбка – это ведь такая редкость в наши нервные дни. Улыбается один из многочисленных дворников, работающих в это время на улице. Мы ведь привыкли, что они есть и не вникаем в их существование, не замечаем их, не вглядываемся в лица – ну, люди в оранжевом, и все. Метут, носят туда-сюда контейнеры, гремят, освобождают дворы, подворотни и улицы от человеческого свинства хотя бы на несколько часов и не жалуются. Зато у нас модны патриотические шествия с криками и флагами. Разве патриотизм должен быть громким? Он должен начинаться с целлофанового пакета, не брошенного мимо урны, а которым убираешь за своей собакой. Потому что стыдно перед родным городом...

– Вы знаете, я все время на вас смотрю, – подошел к нам улыбающийся дворник, пожилой, усатый. – Вы так любите свою собаку! Какой он красавец! Никогда не видел такую породу! Мой хороший, – он наклоняется, ласкает, говорит добрые слова. Вилли не всем это позволяет в последнее время, но тут молчит, не ворчит, значит, доверяет.

– Я люблю собак! Он, наверное, очень старенький...

Честно говоря, не люблю, когда спрашивают, сколько Вилли лет и начинают его жалеть. Всегда хочется приуменьшить его возраст. Пусть лучше спросят, сколько мне лет, я скрывать не стану – какая разница!

Мы немного говорим о басетах, о тбилисцах, о погоде, Плехановском проспекте, о вылетающих из окон окурках и идем дальше по нашему маршруту – в парк. На обратном пути снова встречаемся, но машина с дворниками уже на другой

стороне проспекта. Вилли идет медленней, а еще ему тащиться на третий этаж. Зная, как это тяжело, он оттягивает «удовольствие» и бродит кругами во дворе, не подходя к подъезду. Тут во двор забегают наш новый знакомый.

– Вы сказали, что ему тяжело подниматься, я могу вам помочь – подниму его на руках... Какая сила у простого человеческого слова! Оно может отнять или подарить веру в себя, заставить идти по улице и плакать или улыбаться или вот так, как сегодня, зажечь в душе свет. Все же удивительный у нас город! А я даже не знаю имени этого человека.

## ВОЛШЕБНИК

Вы не поверите... Хотя, тот, кто меня хорошо знает, очень даже поверит и не удивится.

Идем вчера вечером с Пепе по безлюдной улице Джавахишвили – непривычно и неприлично тихой, дышим этим отравленным, вирусным воздухом, в ушах наушники с инструментальным исполнением «Лунной сонаты» – мне от этого хорошо, мысли далеко, в небе яркий месяц (растущий), полуслепая Пепуша делает свои дела у каждого дерева, терпеливо жду, не раздражаюсь, не говорю: «Хоть одно дерево пропусти»... В общем, нирвана какая-то... Вдруг перед нами вырастает странный человек, пожилой, в аккуратном, старомодном костюме, почти нереальный, сказочный, волшебный, улыбается хорошей улыбкой и что-то говорит Пепуше. Думаю, улыбнусь в ответ и пройду. А он говорит и говорит. Нехотя расстанусь с наушниками и слышу:

– Это дама с собачкой или собачка с дамой?

Смотрю на свой собачий вид и никак не чувствую себя дамой, но говорю:

– Согласно классике, дама с собачкой, но на деле – наоборот.

Он смеется – хорошо так, от души.

– Это что за порода, очаровательная у вас собачка.

– Нет никакой породы, просто собака, когда-то умирала на улице, – отвечаю я и, видя, что

ему интересно, неожиданно для себя рассказываю всю несчастную историю Пепуши, потом делюсь историей Вилли, чувствую, как мои слова доходят до его сердца... Странный старичок внимательно слушает, так огорчается, что я начинаю беспокоиться, и говорит:

– Как я люблю таких людей, как вы!

– А я – таких, как вы!

– Живите долго, милая! – желает он мне и исчезает так же неожиданно, как появляется, пока я вызволяю запутавшуюся в поводке Пепушу.

Удивительный у нас город и удивительные люди! Впрочем, я всегда это знала. Может этому доброму и странному человеку было известно, что сегодня мой день рождения? Тогда это самое удивительное поздравление в моей жизни.

### ПРОСТЫМИ СЛОВАМИ

Вы знаете, что значит «как снег на голову»? Я знаю. Для меня это рухнувший на голову дом, под обломками которого остался наш магазинчик – банальный продуктовый, но очень необычный, потому что у нас любили собираться люди. Старые тбилисцы, которым было что вспомнить, рассказать и обсудить, и с которыми было хорошо и уютно. Или иностранцы, с которыми сразу случались разговоры, смех и дружба, потому что они возвращались. Или дети, находившие здесь ласку и все любимые сладости. Старики, приходившие с надеждой на помощь, потому что до пенсии далеко, а последней, как ни странно, след простыл. Несчастные дворняги, выстраивающиеся в очередь в надежде на сосиски... Мы старались всех приласкать и обогреть – словом или делом, и это приносило радость. Думая об этом, я вспомнила эпизод из детства: мы играем в прятки, я выбегаю из укрытия, лечу, чтобы «застучаться», но неожиданно подворачиваю ногу и растягиваюсь на асфальте. Смешанное чувство стыда и боли, хочется сдержаться и не плакать, но слезы льются ручьями. Лежишь, смотришь снизу вверх, а все сбежались, смеются и кажутся совсем другими.

И вообще, все меняется, когда ты упал, побит и тебе больно... Точь в точь такое же чувство было, когда наш магазинчик остался под обломками дома. Кто-то злорадствовал, кто-то в чем-то обвинял, люди, еще вчера жившие в надежде на нас, перестали замечать, начались долгие, унижительные тяжбы с виновниками разрушения... Мы с семьей остались совершенно одни. В тишине. Потому что перестали стучаться в дверь, замолк телефон.

И тут, совершенно неожиданно, эту тишину прорвал знакомый голос. И вопрос, который звучал часто, но на который я не обращала внимания, дошел до моего слуха и сознания: «Как ты, сестра? Ничего не нужно?» Это была зеленщица Эльмира, у которой я много лет покупала зелень, овощи, фрукты, домашний сыр, молоко и называла ее «моя баджи». Она стояла на ул. Марджанишвили каждый день, в любую погоду – загорелая, с обветренным лицом и натруженными руками. Иногда она сама разносила овощи по дворам и домам, и тогда я приглашала ее в дом. Она с удовольствием поднималась, смешно оставляла обувь у порога и босиком шла на кухню обедать или пить чай. Трудолюбивая, добродушная, щедрая молодая женщина, рано овдовевшая и в одиночку растившая сына, всей душой отозвалась на нашу беду, искренне сочувствовала нам и встала рядом, как родной человек. Ее зоркий взгляд вылавливал меня в толпе на Марджанишвили, когда я бежала с детьми в школу или просто шла, углубившись в мысли, и мне было не до разговоров и покупок. Она звала меня, как-то быстро и ловко собирала в пакет яблоки, зелень, еще что-нибудь и насильно впихивала мне в руки: «Возьми, тебе сейчас трудно, потом заплатишь». И всегда спрашивала: «Ну как, ничего нового?», качала головой и говорила: «Ничего, сестра, Бог есть, все будет хорошо». Ее тепло, искренность и участие были лучшим, что случилось со мной в тот период жизни.

Прошло время. Много времени. Все изменилось, а наши отношения остались добрыми и



Аида и ее друзья

искренними. Как-то в тяжелый период последнего армяно-азербайджанского конфликта она окликнула меня.

– Ты почему не приходишь, потому что война?

– Ну как ты могла такое подумать, Эльмира? Дети реже бывают дома, а я реже готовлю, вот и не прихожу каждый день, как раньше.

– Разве хорошие люди хотят воевать, убивать? – у нее накопело, хотелось выговориться, и это было правильно, хорошо. – Будь они прокляты, кто все это делает, кто хочет войну, кто погубил семью, детей, кто не дает спокойно жить, работать и радоваться! – Нас с тобой никто не спрашивает, Эльмира, не переживай так. Мы должны быть лучше политики, общаться, дружить, любить...

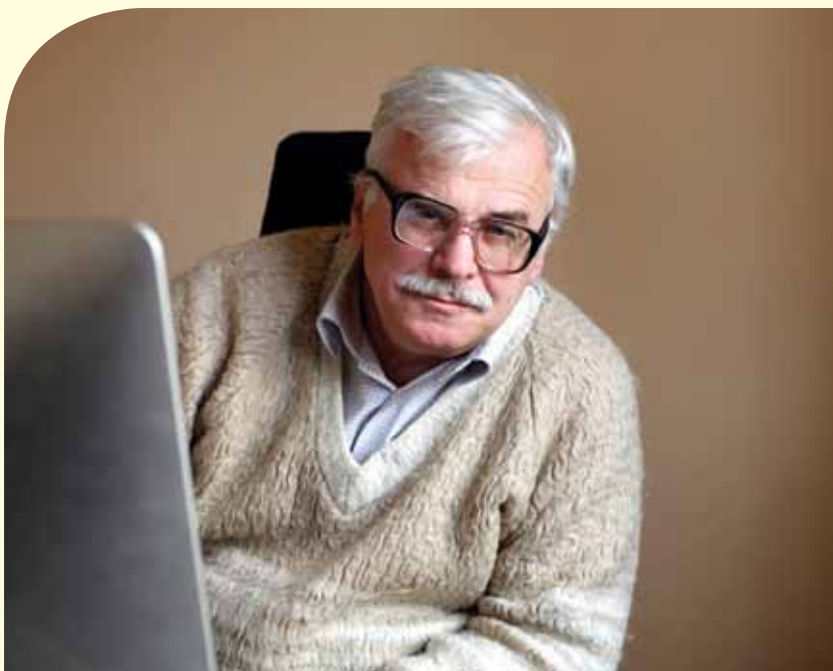
– Конечно! Почему я должна тебя не любить, ты хорошая женщина! Тут подбежал марджанишвилевский пес, которого она спасла от голодной смерти, откормила и очень любила, и прижался к ней всем телом. Мой Вилли делал то же самое.

– Ты посмотри на него! Хотя кто-то меня любит, – засмеялась она.

– Они знают, кого любить!

– Ты не проходи мимо, заходи, даже если ничего не нужно. Поговорим о жизни, о собаках...

– Зайду, конечно, зайду, куда я денусь!



Гурам Сванидзе

## КОЛЛЕКЦИОНЕР ХАРАКТЕРОВ

■ **Нина ШАДУРИ**

Наш сегодняшний гость – писатель, социолог, журналист Гурам Сванидзе.

Окончил Тбилисский государственный университет (отделение журналистики), аспирантуру Института социологических исследований АН СССР в Москве. Доктор социологии. Долгое время работал в правозащитных организациях, в Комитете по гражданской интеграции Парламента Грузии. Автор ряда научных статей по проблемам глобализации, гражданской интеграции, эмиграции и др. Автор сборников рассказов, изданных в Москве, Киеве, Тбилиси. Печатался в США, Китае, Израиле. Публиковался в журналах «Нева», «Дружба народов», «Волга», «Сибирские огни», «Новая Юность», «Урал», «Крещатик» и др.

– Недавно одно информационное агентство провело небольшой опрос: есть ли в Грузии русскоязычная литература, есть ли русскоязычный читатель, что его интересует. Вы в опросе участия не принимали, поэтому эти вопросы задам вам я.

– Трудно судить. Есть отдельные авторы. Но ни школы, ни направлений, ни одной об-

щей основы нет. Русскоязычие в Грузии – это уже даже не край ойкумены русского языка, а отдельные робинзоны. Русский язык утратил свои позиции. Причины – объективные. Хотя бы то, что в 1990-ых годах произошла обвальная эмиграция – уехали не только русские, но и многие русскоязычные. Ну, и политика местных властей наложила – в стране мало заботились о

сохранении русскоязычных кадров.

– Откуда у вас тяга к русскому языку?

– Я вырос в Имеретии, в Зестафони. Один из моих лекторов однажды пошутил, откуда, мол, у тебя такое знание языка, если в Зестафони по-русски говорит разве что почтмейстер. Но это не так. У нас стояла воинская часть, действовал с 1933 г. огромный завод ферросплавов. Инженеры, рабочие, военные – все говорили по-русски. Даже было поселение, где жили русские. И дома мы общались на русском, и учился я в русской школе. Я горжусь фактом, что в нашем районе родился крупный русский писатель Борис Акунин (Григол Чхартишвили). И Маяковский родом из мест поблизости, и драматург Георгий Мдивани. Может, не случайно я вдруг начал писать на русском?

– Какой была школа тех лет?

– Моя школа была самой обыкновенной. Но я благодарен учителям – они так заставили меня вызубрить на всю жизнь самые необходимые знания. Что касается профессии, то выбирать не приходилось – гуманитарный русский сектор был только на филологическом факультете университета. Туда и поступил, хотя хотелось на юридический. Со второго курса перешел на отделение журналистики. Во многом это было вызвано фильмом, который тогда гремел, – «Профессия – репортер» с участием Джека Николсона. Романтика, риск! А на деле журналистика оказалась болотным существованием. В совковое время никаких интересных тем не было. И когда надо было сдавать план на месяц, я не мог предъявить тем – не находил вокруг себя ничего привлекательного. Это были 1970-е годы – очень глубокий застой.

– Но во время пресловутого застоя шли крупные стройки, появлялись великие книги, спектакли, фильмы...

– Тот, кто писал великие книги, прошел соответствующий опыт. Моя бытность была иной –



сплошная мимикрия к фальшивой действительности совдепии. Умение казаться считалось более необходимым, чем умение быть. Серость почиталась как достоинство. Один мой старший коллега по редакции как-то обронил: «Опять из пальца высосанные мероприятия! Как скучно об этом писать!» Хотя, конечно, и тогда было место подвигу, как писали в школьных сочинениях. Но подвига не ищут, тебя настигает момент, когда его можно совершить. Меня он не настиг.

**– Вы не просто перешли в социологию, но и диссертацию защитили. На какую тему?**

– «Свободное время молодежи». По большому счету свободное время молодежи – временная локация ее культуры, которая в той или иной степени автономна. Наивысшее и крайнее ее проявление – студенческие революции 60-х годов в Европе. У молодых отпал стимул взрослеть. Они не торопились входить во взрослую жизнь, где их ждала жесточайшая дисциплина, работа на результат. Взрослые терпели благоглупости молодых, потому что возник огромный рынок молодежных товаров. В разных обществах, у разных групп молодежи все это происходит по-разному, с той или иной степенью драматизма. У меня тема вовсе была прозаическая – досуг учащихся ПТУ. Но полезная – надо было помочь ребятам из этой трудной категории молодых людей.

**– А что происходит сейчас с молодежной культурой и свободным временем?**

– Молодые люди остались один на один с гаджетами. Молодежь атомизировалась, из социально значимой общности она превратилась в группу статистически фиксируемых отдельных индивидов определенного возраста. Коллективность, если и наблюдается, то вокруг какого-то блогера, например. Этакое виртуальное единство.

**– У нас тоже?**

– Ну, более-менее. Мы идем туда, куда труба позовет. Хотя кое-что остается из традицион-

ного уклада. Застолья, например, чуть ли ни единственная форма времяпрепровождения.

**– Когда вы написали свой первый рассказ?**

– Я учился в московской аспирантуре Института социологических исследований АН СССР. Это была большая школа. Но там тоже были свои совоквые заморочки. Куда без них! В институте существовал отдел с катастрофическим названием: «Отдел становления народности, социальной структуры советского общества на базе рабочего класса». А как пришла перестройка, буквально за неделю название поменяли – «Отдел социальной структуры». Я жил в общекитии и чувствовал себя, как рыба в воде. У меня был интерес к людям – всегда, с детства. Прямое общение с представителями самых разных культур, наблюдения за жизнью землячеств обогатило меня. Для социолога общага представлялась полным раздольем. Все дни рождения в институте мы обязательно справляли – пили хороший чай, ели торт. Великолепные были посиделки. Кто стихи читал, кто пел... А чем я хуже, думаю? И написал – дело было накануне Нового года – миниатюру. Она имела успех. Пусть местного значения. А потом пошли публикации рассказов в толстых журналах – «Дружба народов», «Сибирские огни», «Новая юность», «Нева»...

**Дочь Натия и сын Давид**



**– Импульс к писательству вы получили от социологии?**

– Да. Но желание писать было давним. В школе я даже завел тетрадь, в которой фиксировал мимолетные впечатления, те, которые «хорошо бы описать». Тетрадку я потерял. Но ее содержание помню по сей день. Находки, которые у меня случались еще в детстве, использую. Кстати, есть такое понятие – социологическое воображение. Все крупные писатели обладают таким воображением. Они в этом смысле – лучшие социологи, их прогнозы по своей точности конкурируют с предсказаниями ученых. Наделенные интуицией, писатели зрят в корень. Вообще, между социологией и писательством очень много общего. Про себя скажу без ложной скромности, что у меня есть и социологическое, и художественное воображение. Не знаю, какого больше. Судить читателю, о художественном воображении хотя бы.

**– Вы выбрали малую форму...**

– Да. Я считаю, тот, кто пишет длинно, просто не может писать коротко. Это особый навык и другая дисциплина письма. Это как огранить камень – в обработанном камне есть своя глубина, она пульсирует, теплится истина. Текст надо вдыхать как эфир, а не подолгу жевать и переваривать, на что уходит много времени и сил. Это расточительство в нынешних услови-



Три поколения

ях, когда бег времени становится все более стремительным. Хорошее воображение позволяет автору идти в глубину, а не отвлекаться.

**– Есть ли у вас учителя в литературе?**

– Нет. Я мало читаю, в основном, на английском и то больше с целью усовершенствоваться в языке. Впрочем, увлекаюсь американскими *short stories*. У них богатая традиция в этой сфере. Ею подпитываюсь.

**– Ну, школьную-то программу читали?**

– Это не в счет. В школе напрочь отбивали охоту к чтению. Позже, конечно, возвращаешься к текстам великих. Восхищаешься их мастерством, но... Другая жизнь – другие страсти. У меня был период юношеского умопомутнения – читал Пруста. Я работал тогда в газете, и мне сказали – из тебя журналист не выйдет, ты читаешь совсем не то, что нужно журналисту. Тебе бы реакцию на действительность, а не коснеть в рефлексии. Бывшие коллеги были правы.

**– Но ваши рассказы социологическими очерками никак не назовешь.**

– Действительно, они – не отчеты социологов. Я исхожу из того, что художественная правда оперирует «чистыми формами», социологическими конструктами. Они не абстракт-

ны. Они освобождены от случайных связей эмпирической реальности. Для полноты я что-то добавляю из прошлого, кое-что из легко вычисляемого будущего, заимствую из чужого опыта – и получается живой типаж.

**– Как пишется сегодня?**

– Все меньше тем, сюжетов... Новейшая история страны мало вдохновляет. Вот хожу, ищу днем с огнем оригинальных типов. У моего персонажа Симона есть хобби – коллекционировать характеры. И он собрал коллекцию: мальчиков, которые в детстве изображали из себя милиционеров. Был такой паренек, который все время играл в милиционера, ходил с детским пистолетом, обращался ко всем на «вы», указывал кому и когда

С супругой Нелли



переходить улицу... Вырос и стал вором в законе. Или мальчуган, который приходил к могиле Камо на Пушкинской, становился стражем и никого к могиле не подпускал. С третьим Симон столкнулся в Москве – больным, несчастным ребенком. Тот тоже был вооружен пистолетом и следил за порядком во дворе. Свою немощь он компенсировал жуткими угрозами в адрес прохожих. Четвертый напугал шофера нашего агитационного «рафика», когда перед выборами мы заехали вечерком в один из городков. «Страж порядка» был вооружен детским автоматом и требовал документы. Есть у Симона и другие коллекции: букинистов, филателистов, инвалидов, музыкантов и др. Вот такие диковинные собрания. «Дурью маеся!» – скажет кто-то. Но это жизнь такая. Поделитесь с Симонам, если что припомните...

**– Какие же ценности сегодня имеют значение в нашем обществе?**

– Ценности рынка у нас так и не утвердились. В стране не появились герои, которые олицетворяли бы новые ценности. Зато охота за компроматом стала главным занятием нашего общества. Она – следствие по-нашему понятой соревновательности, проявление тотальной дегероизации. Собственно, уместнее говорить об отношениях интереса, а не о наличии ценностей. Об узколобом прагматизме, например. Эти самые прагматики не подозревают, что

существует философия прагматизма, интеллектуальная надстройка, которая не сводится к бытовому эгоизму. Намечившаяся тенденция притупляет способность к сложным видам взаимодействия. Социальность деградирует. В химии есть такое состояние – ионный расплав. Миллионы превращений и взаимодействий в секунду и ни одной устоявшейся молекулы. Может, мы и можем строить какие-то молекулы, но они недолговечны и не имеют внутреннего ресурса к развитию.

**– Я говорю с писателем, и в разговоре ни разу не прозвучали ни слово «свобода», ни слово «любовь».**

– Человек свободен сам по себе – внутри себя. А любовь... Скажу вам как социолог: любовь – это способ самоидентификации. Человек ищет себе опору. Фактически ищет самого себя и самоутверждается. Любовь помогает человеку строить свою жизнь. Это процесс созидания, который должен быть всегда. Он обыденный, в нем нет романтики. Любовь как страсть – куда более яркая, но она часто связана с разрушением. О такой ее ипостаси можно только сожалеть.

**– Вам знакомо вдохновение?**

– Вроде, да. Знаю, что ждать его – дело бессмысленное. Была бы потребность писать. Вдохновение посещает тебя уже во время работы. Срабатывает интуиция, рождаются ассоциации. Как аппетит во время еды. Вот так – буднично. Может быть, у кого-то оно является в форме озарений, прорывов в потустороннюю реальность... Главное, должно писаться так, чтобы рука не поспевала за мыслями. Какие у кого мысли – это индивидуально. Таким образом пишут и «Божественную комедию», и всякую графомань.

**– Как вы думаете, что нас ждет?**

– По большому счету? Деинтеллектуализация уже произошла. Включившись в систему международного разделения труда, мы оказались в нише,

в которой развитие науки не предусмотрено. Например, как работают местные социологические фирмы, которые существуют за счет заказов из-за рубежа? Получают инструментарий – вопросы. Проводят опрос. Полученный материал увозится заказчиком. Подрядчика не посвящают ни в концепцию, ни в цели, ни в задачи опросов. И получается, что дипломированные социологи работают просто анкетерами. В лучшем случае удается склонить заказчика от-

казаться от некоторых вопросов.

**– Что бы вы пожелали своим внукам – в каком обществе им жить?**

– В первую очередь желаю, чтобы они состоялись, реализовали себя в обществе, открыты для творчества. Хочу, чтобы они были востребованы и оценены умными и порядочными людьми в условиях настоящей соревновательности.

## КАВАЛЕРГАРД

### ■ Гурам СВАНИДЗЕ

Городок был вроде полустанка. Задние окна райкома смотрели на огороды. Дальше за ними – река, через которую был протянут веревочный мостик. Мальчишки раскачивали его, как качели, и прыгали в воду. На том берегу были только села. А еще дальше – горы. Типичный имеретинский пейзаж.

Напротив райкома находилось здание вокзала, железная дорога. Вдоль нее тянулись шоссе и городок.


Территория маленького вокзала прорастала вездесущим сорняком, известным здесь под названием «уджангари». В пору цветения его грязно-фиолетовые колючие цветы издавали ядовито-сладкий запах, а мохнатые черно-зеленые ветки опутывались желтыми нитями.

Однажды у вокзала притормозил литерный поезд «Москва-Тбилиси», который обычно во весь опор пронесся мимо. С возгласами: «Какая прелесть!» высыпали на перрон русские пассажиры и в мгновение ока оборвали кусты этого отнюдь не декоративного растения. Начальник станции был доволен. Ему вменялась обязанность выпалывать сорняк. А тут такой сюрприз – остановился московский поезд – и «уджангари» как будто не было!

Так вот, в этом городке было популярно фехтование на шпагах.

Подобное стало возможным после того, как сюда в начале 50-х годов приехал С. Он прибыл из Парижа, транзитом через Гулаговский лагерь. Вернулся в края, где до революции его семейство владело имением. Поселился у сестры, белой, как лунь, незамужней женщины. На чудом





оставшимся нереквизированным участке имения они обитали в старом барском доме, окруженном фруктовым садом. Жили на пенсию сестры – бывшей учительницы.

С. был настоящим князем, существом по тем временам музейным. Статный мужчина лет пятидесяти, с нафабранными усами, в щегольском кителе, в синих галифе, заправленных в яловые сапоги, разгуливал по улочкам городка. Этот реликт смущал население своей респектабельностью. Он был еще и любезен, а не просто вежлив, что пуще Astonishing затюканных войной и режимом горожан. Дети шарахались, когда на улице С. протягивал им какое-нибудь лакомство. Как будто не было доверия пожилому мужчине с ясными голубыми глазами. Такие они у сумасшедших, маньяков или святых.

Однако хорошие манеры не располагают к тому, чтобы третируют их обладателя. К князю привыкли, более того – в несметном количестве объявились родственники. Сказалась давняя страсть имеретинцев к реликвийным фамилиям. В тени векового орехового дерева, во дворе С. и его сестры по поводу нескончаемых визитов накрывались столы. Брату и сестре помогал один зажиточный крестьянин, который жил в окрестной деревне. Он присылал провиант, а его дочка крутилась на кухне. Делал это «по старой памяти» – некогда предок князя облагодетельствовал его родителей.

Не обходилось без скандалов – до обвинений в самозванстве. Со двора, обнесенного обветшалым забором, доносились реплики типа: «Как же, как же! Уж мне ли не помнить, что вы из крестьян и ходили в холопах у моего отца-барина!» Меньше всего словенную спесь выказывал сам хозяин.

Специально привезли из дальней деревни очень пожилую даму, которая приходилась тетушкой князю и его сестре. В наряде княгини старая женщина приехала на арбе, запряженной волами. Княгиня всплакнула,

увидев князя, вспомнила его, совсем юного... Эта дама рассудила всех. Но количество родственников и соответственно гостей не перестало увеличиваться.

О прошлом князя знали мало. То, что С. – бывший кавалерист царской армии, вычислил Г. Он – тоже кавалерист, ветеран двух мировых и гражданской войн, скукоженный от многочисленных ран, угрюмый мужчина. У него был холодный жесткий взгляд. Говорили, что на фронте Г. «порубал» немало народу. Князь поприветствовал его, и не без торжественности. В ответ Г. только пробурчал про себя: «Знавал я таких артистов». В гости к С. он не набивался.

Говорили еще, что в молодости С. служил в Петербурге, что вдов и бездетен. О лагере он не рассказывал, так как имел обыкновение говорить только приятное. Но и о парижской жизни тоже не распространялся. Однажды во время застолья С. вспомнил было, что водил дружбу с художниками с Монмартра, но пониманию не встретил. В ответ с двусмысленным хихиканьем один из «родственников» спросил, правда, что француженки красивые и доступные. Другой осведомился про Эйфелеву башню, мол, очень высокая? На этом парижская тема себя исчерпала.

Однако моментами, особенно после некоторого количества бокалов, хозяин вдруг переходил на «высокий штиль», говорил слегка «в нос» – с французским акцентом. Появление подобных «дефектов» в речи тревожили его сестру, и она тут же одергивала брата, тянула его за полу кителя. Она знала – почему.

Но хозяин все-таки «выговорился». Случилось такое, когда бдительная сестра удалилась на кухню, и будто бы симптоматичных изменений в речи не наблюдалось. Шел разговор провинциалов о политике. Несколько раз прозвучал непонятный для князя термин «фриц, фрицы». Он осведомился, что это такое, и узнав о ком был разговор, пожал плечами и спокойно, как бы для себя, сказал:

– В Париже я дружил с немец-

ким офицером. Он хорошо играл на рояле, писал стихи, и звали его Фриц.

...Как по команде под разными предложениями один за другим торопливо стали удаляться гости. Когда из кухни вернулась сестра, то застала у стола пребывающего в одиночестве брата. Он сидел сконфуженный. Она ничего не сказала, только посмотрела на «легкомысленного» князя сурово, осуждающе, в духе тех не легких времен. Потом спросила: «Надеюсь, ты не рассказал свою байку о том, как оказался в Париже?»

«Опала» продолжалась недолго. В одном из местных начальнических кабинетов прогремела фраза: «Оставьте в покое блаженного!» Исходила она от высокого начальника, который, что не могло быть секретом в городке, тоже подвизался в родственники князю.

Но нет худа без добра. С. обособился у себя во дворе. Он вдруг начал проявлять интерес к кустам кизила – обрезал их, тщательно проверял, насколько упруги и идеально прямые ветки. Для этого он приставлял ветку к правому глазу, а левый прищуривал. Потом следовал взмах: вжик-вжик... Иногда С. зычно произносил непонятные слова: «репост», «контр-репост», «пассе», «туше», принимал чудаковатые позы и с кизиловой палкой на перевес делал выпады.

Однажды, взобравшись на яблоню княжеского сада, все это наблюдал мальчик по имени Юза. Озадаченный происходящим, он невольно выдал свое присутствие. С. посмотрел на него снизу-вверх. В руках он держал палку. Мальчик, известный в округе шалун, облазивший не один чужой сад, по своему опыту понял, что взбучки не будет. Но в какой-то момент, спускаясь вниз, замешкался, чуть было не передумал «сдаваться», ибо последовал неожиданный вопрос:

– Молодой человек, вы читали «Трех мушкетеров»?

Юза вообще не читал, и не потому, что был неграмотным. Возникло подозрение, что именно за это его намеревались поколотить

кизиловой палкой. Но куда было деваться. Неожиданно необычный хозяин протянул ему вторую палку и крикнул: «Защищайтесь, Рошфор!». Легким прикосновением своей «шпаги» он выбил из руки Юзы его оружие. Мальчик разинул рот от удивления. Князь показал ему глазами на кизилую палку, мол, подними. Легкое прикосновение – и опять «шпага» выбита из рук. Юза был петушиного нрава. Снова и снова хватался он за «оружие», весь раскраснелся. Потом князь позвал сестру, чтобы та угостила «молодого человека» фруктами.

Через некоторое время среди молодежи городка появились парни по-особенному осанистые и «культурные», как выражались взрослые. В местной библиотечке вырос спрос на тома Александра Дюма. Выяснилось, что, будучи в Париже, князь работал тренером по фехтованию в частной школе. А фехтование освоил в Петербурге, когда учился в военном училище. В определенное время молодые люди собирались у ворот Юзы и степенно шествовали к дому С. тренироваться. Для этого хозяин расчистил площадку под айвовыми деревьями в глубине сада. С. выходил к питомцам всегда тщательно выбритый, в шальварах, которые привез из Парижа.

Приобщая молодежь к искусству фехтования (на кизиловых палках), С. вел с ней «мужские разговоры», поднимал боевой дух местных мушкетеров. Из Тбилиси князь выписал атлас с изображением амуниции фехтовальщиков. Парни приуныли после его просмотра. Зато в беседах возобладала тема: «Жизнь – это борьба!» Говорил подобные фразы С. так, как они произносились в романах Дюма, а не в городке, где-то в Имеретии. В таком стиле велись все разговоры. Мальчишки не все понимали. Одному из них, замеченному в некоем поступке, князь с мягкой укоризной заметил: «Ты ведешь себя как Саванаролла!» Паренек раскраснелся, теряясь в догадках, похвалили его или наоборот. «Надо готовить себя к триумфу, в жизни он всегда один!» – го-

варивал князь. После этого взор его голубых глаз останавливался, становился отрешенным. Он начинал напоминать человека, уже пережившего свой звездный час. Потом он вздрагивал, ему казалось, что кто-то дергает его за рукав.

С. решительно взялся за дело, за хождение по инстанциям. Они умещались в единственном административном здании городка, и повсюду он обнаруживал родственников. Видимо, поэтому фехтование на шпагах безболезненно было признано официально культивируемым видом спорта в городке. Из Тбилиси приехала «комиссия» – чиновник из спортивного ведомства. Его позабавили кизиловые палки, но удивили выправка и подготовка местных фехтовальщиков. «Парижская школа!» – заметил С.

Гость из столицы посмеялся шутке и с готовностью принял приглашение отобедать у князя. Во время этого визита с лица С. не сходило сосредоточенно-лукавое выражение, с каким, как ему казалось, устраиваются дела. Через некоторое время из Тбилиси прислали два костюма и пару спортивных настоящих шпаг. Чести первым облачиться в наряд фехтовальщика был удостоен Юза – лучший ученик князя.

Скоро команду вызвали на соревнования в Тбилиси.

В тот знойный июльский день в кабинете секретаря райкома телефонный звонок междугородной связи прозвучал по-особенному громко. Он вызвал из полудремотного состояния первое лицо района. «Полная и убедительная победа! – докладывал через трубку С. – Мы произвели сенсацию! Кубок – наш!» Секретарь поздравил команду и лично С. «Мы встретим вас достойно, как победителей!» – заключил он, уже совершенно бодрый. Затем вызвал сонную секретаршу и распорядился «на счет мероприятия».

К вечеру весь городок высыпал на перрон. Из служебного помещения вокзала позаимствовали стол, накрытый красной скатертью, на который поставили громкоговоритель. Нетерпение

росло. Оно достигло апогея, когда по вокзалу сообщили, что состав вышел с соседней станции. Это – пять минут ходу. Вот появился и паровоз. Подкатил состав. Вдруг выяснилось, что никто не знает, в каком вагоне находятся «герои». Наиболее рьяные горожане бросились в конец поезда. Потом раздались голоса, что ребята – в первых вагонах. Толпа энтузиастов повернула и ринулась в противоположном направлении. Непосвященные пассажиры насмешливо и опасливо наблюдали из окон вагонов хаотические перемещения возбужденной толпы на обычно малолюдной платформе. Посвященные же (из вагона, которым прибыла команда) предвкушали экзотическое зрелище. По настоянию С. вся команда нарядилась в подаренные федерацией фехтования костюмы. В левой руке у каждого маска, а в правой – шпага. Впереди должен был идти С. с трофеем – посеребряным кубком. Народ в вагоне был простой, и такие действия для него были в диковинку. Пассажиры потирали руки, ухмылялись, но вслух не высказывались. Ведь «ряженные» были «вооружены»...

Но парадного шествия не получилось. Появление на перроне людей в белых обтягивающих костюмах с «боевой» амуницией, идущих строем (один за другим), обескуражило граждан. После заминки на победителей обрушились со всей мощью почитания. Спортсменов зацеловывали, а князя подняли на руки и понесли. Он сиял от восторга и смущенно приговаривал: «Право, не стоит!» Когда подошли к «президиуму», к столу, накрытому красной скатертью, была попытка качать князя. Но ее не поддержали. В городке если и знали о существовании такого ритуала, то к нему не прибегали. Не было поводов. Князь передал кубок секретарю. Тот поднял его над головой и после оглушительного ажиотажного гула и аплодисментов поставил его на стол рядом с громкоговорителем.

Не дожидаясь отхода состава, начали митинг. Поезд не трогался с места, видимо, из-за любопытства машиниста, которое разде-



ляли и пассажиры, глазающие на происходящее из окон вагонов.

Секретарь заговорил о достижениях виноградарей района, о героях войны, о новых героях и т.д.

Пришла очередь говорить князю. Он взял в руки громкоговоритель, сделал паузу, обвел глазами толпу и начал:

— Нет человека, не испытавшего триумфа. Он бывает большой и малый, замеченный, оцененный обществом или незамеченный. Но он всегда в единственном числе! После победы наших мушкетеров я начинаю думать, что мой звездный час, может быть, еще впереди...

Первым оценил юмор секретаря, потом уже остальные. Князь продолжил:

— Помню такой же знойный день под Красным Селом, 10 июля, 1914 года. Проходил смотр...

Сестра князя, которая все это время находилась поодаль от «президиума», вдруг пришла в движение, начала энергично проталкиваться к столу. В это время как раз начал спускать пары паровоз отходящего поезда. Сквозь грохот и дым не было слышно, что говорил князь. Глаза его блестели, и он как будто спешил высказать что-то сокровенное. Сестра подросла и стала рядом. Тут С. сник, замолчал, как если бы

пережидал отход состава. Затем что-то промямлил и уступил громкоговоритель другому оратору...

Я был совсем маленьким, когда произошло это событие — сидел на шее своего отца и смотрел на происходящее. К концу 60-х городок вырос до средней величины промышленного центра, с монструозным заводом, который, казалось, пытался затмить своим коричнево-красным дымом небо, а река, протекавшая через город, была иссиня-черная из-за его выбросов. Через нее был перекинут бетонный мост. На другом берегу теснились хрущобы. Для промышленных целей вырубали сад семейства С., разрушили дом, взамен им выделили квартиру в новостройках на первом этаже.

Ко времени моего повзросления С. давно вышел на пенсию. В городе футбол быстро вытеснил по популярности фехтование. Я сам занимался борьбой. Об успехах местных фехтовальщиков только вспоминали.

С. было уже чуть за 80. У него появились проблемы с ногами, и он перестал появляться на улице. Помню, как, проходя мимо его балкона, я старался не смотреть в ту сторону. Там неизменно находился старик. По-прежнему чистый взор его голубых глаз настаивал прохожих, как и пыл, с каким он зазывал людей в гости.

Иногда из комнаты появлялась сестра и заводила С. в комнату. Мой приятель, приходящийся внуком тому самому облагодетельствованному крестьянину, помогал старикам с их нехитрым хозяйством. Он рассказывал, что «старичина» совсем плох, бредит, рассказывает всем подряд что-то о царе, даже президента Франции приплетает, а потом переходит на французский.

Князь умер, его хоронили так, как причитается персональному пенсионеру, заслуженному работнику физической культуры и спорта, видному горожанину, родственнику, соседу... Одна, умеющая голосить, родственница, ненавязчиво вплела в плач факт благородного происхождения С.

Народу пришло много. Впереди процессии с портретом ушедшего шел Юза. Он заметно обрюзг, ссутулился...

...Лето 1914 года, как обычно, 1-я гвардейская кирасирская дивизия проводила на лагерных сборах под Красным Селом. 10 июля состоялся смотр русской гвардии, на котором присутствовали император Николай II и президент Французской Республики Р. Пуанкаре. Гвардейцы произвели прекрасное впечатление отличной выучкой, слаженностью всех частей и подобранностью состава. Тогда по традиции в кавалергарды зачисляли высоких сероглазых и голубоглазых блондинов.

Молодой офицер князь С. был при полном параде. Его золоченые кираса и каска, серебряные фигурка орла и Андреевская звезда на каске сверкали на июльском солнце. В войсках ощущалось воодушевление.

Далее — или быть или небылица — проезжая вдоль строя кавалергардов, французский гость остановил свой взгляд на юном блистательном красавце в первых рядах. Он что-то шепнул царю. Царь переспросил у сопровождающего их генерала. Тот доложил: «Князь С., Ваше Императорское Величество». Некоторое время спустя князя определили в охрану российского посольства в Париже.





SINCE 1884

**SARAJISHVILI**

სარაჯიშვილი



**Храм Гергетской Троицы памятник архитектуры XIV-го века**

Фото Александра Сватикова